

Военные
Приключения

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

Военные приключения (Вече)

Николай Иванов

Контрольный выстрел

«ВЕЧЕ»

2015

Иванов Н. Ф.

Контрольный выстрел / Н. Ф. Иванов — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8825-6

В июле 1943 года по приказу Ставки Верховного главнокомандующего в районе Орловско-Курского выступа от станции Ржава до станции Старый Оскол за 32 дня была построена железнодорожная ветка расстоянием в 96 км. На ее строительстве трудились преимущественно женщины и подростки. Для уничтожения этой стратегически важной дороги абвер создал под Киевом специальную школу для подготовки диверсантов...

ISBN 978-5-4444-8825-6

© Иванов Н. Ф., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Золушки объекта 217	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	32
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Николай Иванов

Контрольный выстрел

Золушки объекта 217

Глава 1

Стрельба в лесу, где обзор закрыт стволами и низким кустарником, для солдата страшнее боя в городе или даже в поле. Есть, конечно, надежда, что враг тебя не видит и стреляет в другую сторону, но ведь и для тебя он невидим...

– Уходит, зараза...

– Пересекай слева!

Три автоматчика вырвались из лесных проблесков на залитую до краев солнцем просеку, повели оружием по сторонам. Нюхом овчарок опасности на просторе не почувствовали, взбежали по сваленным доминошками вдоль насыпи шпалам на самый верх строящейся железной дороги. Залегли там, сдерживая дыхание. Старший, царапая лейтенантскими звездочками щеку, плечом вытер пот.

Огляделись.

Буйствовала, выпирая из леса, молодая поросль орешника вперемешку с осинками. К самой насыпи гуськом выбежали несколько елочек. Одна каким-то образом сумела перемахнуть будущую железную дорогу и теперь одиноко привставала на цыпочки, пытаясь высмотреть происходящее за насыпью. Присядь, дуреха, раз повезло оторваться от пальбы: на войне любопытные редко доживают до второй огненной очереди.

– Стой! Сдавайся! – раздалось в лесу.

В ответ прозвучало два экономных пистолетных выстрела. В обратную сторону жирными многоточиями ушли автоматные очереди. Но поверху, по листве, а это значит всего лишь для остратки, для загона. Солдатский слух на третьем году войны прекрасно различает выстрелы в упор. Даже в лесу. Но пока идет охота на живца...

– Прикрываем, – отдал команду лейтенант лежавшим по обеим сторонам подчиненным.

Сам рывком, согнувшись, скорее укрываясь не от возможных пуль, а маскируясь для мечущегося в лесу противника, перебежал к краю насыпи. Она замерла над небольшим лесным ручейком, и на самой ее оконечности, нырнув за шпалы, лейтенант и затих.

Он не ошибся в расчетах. Для выскочившего из леса щупленького диверсанта даже малая речушка выростала в препятствие, на преодоление которого не оставалось времени. Узкая полоска меж водой и насыпью манила возможностью оторваться от преследования, и, хотя в разведке основным правилом считалось не соблазняться самым легким вариантом спасения, выхода не оставалось: слишком явственным становился треск сучьев бегущих по следу смершевцев. Или пан, или...

А вот и пропал!

Лейтенант коршуном бросился на вражеского цыпленка. Однако не успело его тело накрыть противника, тот неуловимым движением переправил его полет через себя далее, в воду. Как успел диверсант увидеть опасность, а главное, молниеносно среагировать, выбить непонятным приемом лейтенанта из борьбы, для подбежавших на край автоматчиков осталось загадкой. Но служба, да и сам лейтенант приучили в подобных ситуациях не раздумывать. И пусть не красавцами коршунами, пусть всего лишь пыльными расхристанными воронами, да

еще столкнувшись лбами друг о друга, смершевцы навалились на врага, вмяли его своей двойной массой в жидкий берег.

Только его грязь помогла и врагу ужом выскользнуть, дав еще один шанс оторваться от погони и скрыться за насыпью. Может, так бы и случилось при удачном стечении обстоятельств, но именно из-за железной дороги вырос бородатый старик с молотком на длинной ручке, которым железнодорожные обходчики обстукивают рельсы. Профессия смотрителя тоже приучила деда к мгновенной оценке ситуации и не менее мгновенным действиям, и удара молотком по укрытой маскхалатом голове диверсанта оказалось достаточно, чтобы смершевцы вновь вцепились в того мертвой хваткой.

– Как-то так, – остался доволен своей работой железнодорожник. Но руки от волнения дрожали, и он, успокаивая себя, попробовал свернуть сигарку. Однако, как ни старался, раз за разом просыпал табак на шпалы. Успокоился тем, что понюхал пропахшие куревом пальцы.

Подбежавшие из леса солдаты окружили лежавших на земле, круговым частоколом выставили стволы автоматов.

– Держите руки, у нее пистолет! – закричал, скользя в грязи, вылезавший из реки лейтенант.

Поздно. Выстрел, приглушенный телами, тем не менее показался командиру громом танковой пушки.

Куча-мала осела. Автоматчики медленно, понимая свою вину, начали подниматься. Перед взором бойцов оказалась худенькая девушка, корчившаяся от боли. Сострадание к раненым хотя и притупилось за войну у воевавшего люда, но полностью из солдатского обихода не исчезло. Даже по отношению к противнику. А тут еще – и женщина. И сейчас, распахивая подчиненных, лейтенант упал перед ней на колени, принялся ловить тонкие окровавленные руки:

– Голубушка, гадинка, солнышко... Не умирай... Потом сам придушу, но сначала словечко. Хоть одно словечко... Бинты. Перевязку! В медбат!

Команду приняли на свой счет провинившиеся автоматчики. Как могли, бережно подхватили раненую под руки и ноги. Сбоку, поддерживая тело и продолжая бинтовать раны, прилипли еще два бойца. Лейтенант, наверняка знавший лес, как свой ППШ, перед тем как первым броситься через кустарник самой короткой дорогой к медсанбату, кивнул железнодорожнику:

– Спасибо, Михалыч!

Старик пожал плечами – было бы за что. По привычке стукнул молотком вместо рельса по скатившейся с насыпи вслед за солдатами шпале и продолжил свой неожиданно прерванный путь.

Глава 2

За три месяца до этого, 12 апреля 1943 года, в кабинет к Верховному главнокомандующему И.В. Сталину были вызваны первый заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский и заместитель начальника Генштаба генерал армии А.И. Антонов. Сталин уже стоял у карты, разложенной на столе с зеленым сукном. Тема разговора для вошедших была знакома: два дня назад Жуков получил указание подготовиться к обсуждению плана боевых действий на предстоящие лето и осень. Так что ждали только приглашения к докладам.

Сталин не спешил. Поздоровавшись, уткнулся взглядом в карту с формирующимся выступом около Курска. Чем он станет – плацдармом для нового броска на запад или аппендиксом, который искусный хирург способен отрезать одним взмахом скальпеля? Наш бросок или немецкая хирургия? Третьего было не дано, после Сталинграда именно здесь сконцентрировалась мощнейшая группировка как советских, так и германских войск. Любезной оборонительной вежливостью не обойдется, в войнах противнику ломаются хребты, а не откусываются ногти. Кто первый начнет движение? И надо ли оно – быть первым? Жуков с 17 марта находился в том районе, должен был оценить обстановку на месте. Ему и предстояло держать первое слово.

Предугадывая решение главнокомандующего, Георгий Константинович по привычке поправил китель. Сталин же мимоходом отметил, что к новым маршальским погонам, на которые всего месяц назад к большой звезде добавился герб Советского Союза, нужно бы поручить сшить и новые кителя: военачальники такого ранга должны иметь особый статус и в форме, простым перешиванием погон на мундирах дело не должно ограничиваться. До Сталинграда о присвоении маршальских званий и не помышлялось, но битва на Волге явила всему миру не только мужество бойцов Красной армии, но и талант советских военачальников. А то, что первым в войну маршальские звезды вручили Жукову и Василевскому, непосредственно занимавшимся обороной Сталинграда, то по правде истории и свершившегося победного факта. Даже свою фамилию Иосиф Виссарионович позволил вписать в указ только третьей строчкой. Вот все трое теперь и стоят перед картой 43-го года. Она через месяц-другой и покажет, чего стоят маршальские звезды с гербом Советского Союза на плечах...

Наконец Сталин поднял глаза на Жукова, и Георгий Константинович принялся докладывать основной итог двухдневного анализа обстановки:

– Командующие Центральным и Воронежским фронтами убеждены, что враг будет наступать на их, курском, направлении, – Жуков руками изобразил клещи, перегрызающие курский выступ. Одна рука предполагала генерал-фельдмаршала Гюнтера Клюге, сосредоточившего в районе Орла группу армий «Центр», вторая – генерал-фельдмаршала Эриха Манштейна, командовавшего под Белгородом группой армий «Юг». Хирурги, надо отдать им должное, искусные, скальпель в их руках способен справиться не только с аппендиксом.

– Генеральный штаб убежден в этом же, – согласился с выводами командующих фронтами и замнаркома Василевский.

Повернул голову к своему заместителю. Антонов поверх карты Сталина скаткой раскатал рулон нового топографического полотна, испещренного свежими условными обозначениями. Они не показались Верховному главнокомандующему особо отличными от тех, что имелись на его карте, но он терпеливо подождал объяснений.

– На сегодняшний день соотношение в живой силе на данном направлении идет как 1,5 миллиона у нас к 900 тысячам у фашистов, – продолжил доклад Жуков, наклонившись к карте.

Когда-то, в самом начале войны, Сталин дал указание сфотографироваться ему именно в такой позе и разместить снимок в «Красной Звезде». Важно было показать войскам, что Гене-

ральный штаб тщательно прорабатывает все операции, что люди не бездумно бросаются в сражения. Что о них думают, их берегут, насколько это возможно на войне. Внимание на подобные детали вкупе со стратегическим мышлением у вождя не переставали поражать Жукова. И хотя у них у обоих на груди висели Золотые Звезды, у Верховного главнокомандующего она была Звездой Героя Социалистического Труда. Пусть и за № 1, но полководческий талант мог претендовать и на звание Героя Советского Союза. Но опять же – не задерживались звезды Героев в Кремле, шли прямым ходом в войска. И это вновь было справедливо и дальновидно со стороны Сталина, потому что исход войны все еще решался в окопах, а не в штабах.

Молчание хозяина главного кремлевского кабинета означало одно – продолжайте.

– Предполагать, что немцы смогут в ближайшее время нарастить усилия, у нас оснований нет. Да, немецкие дивизии ускоренными темпами наращиваются людьми и наступательной техникой. Однако у Гитлера возникают с этим значительные проблемы, – продолжил Жуков. Сведения, которые он излагал, наверняка были хорошо известны и начальнику Генштаба, и Верховному главнокомандующему, но ради целостности картины и логики будущего решения он посчитал нужным их повторить: – За два года войны вермахт потерял убитыми, пропавшими без вести, ранеными и эвакуированными по болезни более 4 миллионов человек. Восполнить этот контингент, несмотря на тотальную мобилизацию, им не удается.

– И это при том, товарищ Сталин, что немцам пришлось призвать значительное число рабочих, забронированных за промышленными предприятиями, а также 60-летних мужчин и 16—18-летних юношей, – дополнил Василевский деталями доклад заместителя наркома. – Качество этого набора как по физическому состоянию, так и по боевой выучке, моральному духу далеко от лучших образцов вермахта 41-го года.

Сталин не терпел шапкозакидательства, но в данном случае начальник Генштаба просто рисовал реально складывающуюся картину, не боясь быть упрекнутом в предвзятости к противнику. И это не все, что вошло в доклад. По последним разведанным, вместо 4—6-месячного обучения, которое обычно проходило молодое пополнение в армии резерва, из-за огромных потерь на востоке фашистские генералы вынуждены сворачивать эти курсы до полутора месяцев. Подобное происходило и с офицерским составом: военно-учебные заведения Германии не успевали восполнять потери в командных кадрах, и в войска начали прибывать молодые офицеры, имеющие всего трехмесячную подготовку. Не говоря уже о том, что гитлеровское командование прибегло к урезанию не только тыловых частей и подразделений, но и к сокращению с 17 до 13 тысяч личного состава линейных дивизий непосредственно на фронтах.

– И хотя мы видим некоторое увеличение огневых возможностей вермахта за счет автоматического оружия и минометов, Генеральный штаб тем не менее подтверждает: стратегическая инициатива на данный момент на нашей стороне, – подытожил Василевский.

– Вы предлагаете для развития успеха немедленное наступление? – принялся раскуривать трубку Сталин, забыв о ней на время докладов.

Василевский посмотрел на Жукова, все еще склоненного над картой: окончательный вывод за тобой, Григорий Константинович.

Тот вновь для наглядности сжал руки в клещи над щербатым курским выступом:

– После анализа всех данных мы предполагаем, что наиболее вероятной целью летнего наступления вермахта станет окружение и уничтожение наших войск в районе Курска. В случае успеха дальнейший их удар возможен на юго-восточном направлении, хотя не исключена возможность наступления и на северо-восток, для обхода Москвы. На остальных участках фронта немецкое командование способно к ведению оборонительных боев или отвлекающих маневров, так как нигде более оно не располагает силами, необходимыми для крупных наступательных операций.

Сталин, попыхивая трубкой, мягко прошелся до своего стола. Кивнул оттуда – продолжайте, я карту помню.

– Имея определенное превосходство и возможность ведения активных наступательных действий, мы, – Жуков оглядел начальника Генштаба и его заместителя, подчеркивая коллегиальность решения, – предлагаем перейти к обороне.

В кабинете застыла тишина.

– Я правильно понял, товарищ Жуков, что вы предлагаете уступить врагу стратегическую инициативу?

Сталин не стал принимать коллективность мнения и указал вытянутой трубкой на гонца, принесшего дурную весть. Трубка дымилась после активных затяжек, но замнаркома обороны столько раз видел этот жест хозяина кабинета, что остался невозмутимым: если Сталину аргументировать свое решение, то трубка вновь вернется на свое привычное место у груди вождя.

– Никак нет, товарищ Сталин, никаких уступок врагу мы не допускаем. Мы говорим о преднамеренной обороне, в ходе которой будем контролировать развитие любой ситуации. А именно: предоставив возможность Гитлеру броситься в бой без достаточного перевеса сил и средств, при сокращенном тыловом обеспечении, мы можем измотать его последние самые боеспособные дивизии. В полосе заблаговременно подготовленной обороны. А измотав, самим перейти в наступление. На сегодняшний день такой вид боевых действий видится нам наиболее благоприятным.

Несмотря на цепкость своей памяти, Сталин вернулся к карте и словно под другим ракурсом посмотрел на тактические значки, нанесенные генштабистами. Интересно, над какой картой и с какими знаками склонился сейчас Гитлер? Но в докладе Жукова имелась и тактическая, и главное – стратегическая разумность: переход в контрнаступление после того, как противник будет измотан в ходе бесплодных атак, позволял рассчитывать на гораздо большие успехи с меньшими потерями. При всей своей нынешней нервности Гитлер еще достаточно силен...

– А что у нас в тылах у Рокоссовского и Ватутина? – не выразив пока своего отношения к оборонительному предложению, Сталин посмотрел на расположение Центрального и Воронежского фронтов. Командующие не без оснований считались его любимцами, на их тактическое чутье можно было всецело положиться, но Ставка на то и создавалась, чтобы координировать, вплетать в один узор обстановку на всех фронтах и в тылу.

Жуков и Василевский посмотрели на Антонова. Тот, как начальник оперативного управления Генштаба, лично занимался детальной проработкой будущей операции. Алексей Иннокентьевич не выделялся харизмой среди своих великих начальников, хотя, как и они, повоевал изрядно с первого дня войны – и под Киевом, и в Закавказье, и на Черноморском побережье. Так что его кандидатуру на должность первого заместителя начальника Генштаба – начальника Оперативного управления Сталин в конце прошлого года утвердил без сомнений.

– Товарищ Сталин, мощности тылового обеспечения нарастают, из-под Сталинграда в район курского выступа уже прибыло 26 паровозных колонн с общим парком 600 паровозов. Загвоздка в другом – в малой пропускной способности железной дороги, к тому же постоянно находящейся под бомбежками. Наиболее сложное положение с подвозом материальных средств у Воронежского фронта, в тылу которого курсируют всего 16 паровозных пар в сутки.

Долго рассказывать Верховному главнокомандующему про военные трудности считалось бессмысленным, тому требовались конкретные проработанные предложения по их преодолению, и Антонов не злоупотребил вниманием.

– Есть предложение в кратчайший срок построить новую железнодорожную ветку от Ржавы до Старого Оскола, – генерал армии положил карандаш на месте будущей трассы.

Исходя из масштабов карты и длины остро заточенного карандаша, длина предполагаемой дороги вкладывалась в сотню километров, и Сталин впервые нетерпеливо посмотрел на начальника оперативного управления – дальше.

– По некоторым сведениям, до войны там намечались проектные работы по строительству железнодорожной ветки, – поспешил уточнить Василевский. – Из специалистов «Воен-

транспроекта» уже создано семь изыскательских партий, они выехали непосредственно на место возможной стройки и в течение двух недель подготовят необходимые обоснования.

Это на данном этапе могло означать точку в докладе, и Сталин посмотрел на часы. Военачальники стали во фронт. Вместо слов Верховный главнокомандующий подошел к карте, синим карандашом вывел в ее правом углу подпись: «И. Сталин».

Предварительный план утверждался...

Менее чем через два месяца, 8 июня, такая же подпись появилась на постановлении Государственного комитета обороны «О строительстве линии Старый Оскол – Ржава», получившей кодовое наименование «Строительство № 217». Железную дорогу протяженностью 96 километров по облегченным техническим условиям предписывалось соорудить в период с 15 июня по 15 августа. Кроме специализированных железнодорожных подразделений и мостовиков на строительство линии привлекалось более 20 тысяч человек из числа местного населения Курской и близлежащих областей.

– Лаврентий Павлович, – уже после подписи Сталин поднял министра внутренних дел Берия, присутствовавшего на заседании ГКО. Однажды осенью 1933 года тот заслонил вождя собственной грудью во время прогулки на катере по озеру Рица, когда береговая охрана, не разобравшись с ситуацией, открыла огонь по неизвестной лодке. Теперь требовалось защитить важнейший стратегический объект перед схваткой на Курской дуге. И хотя после разделения НКВД на Наркомат государственной безопасности и Министерство внутренних дел защита подобных объектов относилась к ведению госбезопасности, по многолетней привычке и личному доверию бывший руководитель НКВД внушал вождю больше надежды: – Такую стройку будет трудно скрыть от немцев. Позаботьтесь о ее безопасности.

Министр обвел присутствовавших таким взглядом, словно накрывая их не блеском своих очков, а колпаком. Он, Лаврентий Павлович Берия, с разделением своего всемогущего НКВД ничего не утратил – ни силы, ни влияния. И об этом никому не следует забывать.

– Будет исполнено, товарищ Сталин.

Глава 3

Работа на объекте 217 велась перекатами. В одном месте еще только обозначали вешками будущее направление трассы, в другом засыпали котлованы, в третьем рыли тоннели в слишком крутых для паровозной тяги склонах, а в четвертом уже прибивали костылями рельсы к уложенным шпалам.

Бригада Валентины Ивановича Прохоровой возилась с земляными работами на формировочной горке. Фронтовичка, потерявшая на войне правую руку, бригадир своим прямолинейным характером и цепкой хваткой заслужила среди строителей мужское отчество, но от своих принципов никогда не отступала, ласковой быть не стремилась, хваталась за любую работу. И, когда от основной трассы стали отводить всевозможные рукава для отстоя составов и другие бригады категорически отказались уходить с главной ветки, именно она согласилась перевестись на строительство совсем не героической по сравнению со всей остальной стройкой формировочной горки.

– Это такой объект, без которого дорога никуда не двинется. А потому нормы выработки оставляем прежние – до 200 процентов за смену, – выстроив бригаду, отчеканила Валентина Иванович.

Дородная, с крупными женственными формами, короткой стрижкой под пилотку, она вкуче с армейской исполнительностью и скрупулезной четкостью внушала окружающим непрекаемый авторитет. Никто не удивился, когда именно она объявила и соревнование среди всех бригад стройки, вывесив вдоль своего объекта написанный белилами по красной материи, непонятно где добытой, лозунг «Работать по-фронтовому».

Так и работали – по 2–3 нормы в смену.

Насыпь уплотняли трамбовками Наталья и баба Лялюшка. Не имевшая своих детей, баба Ляля любовно растила на своих коленях всю поселковую детвору и черты лица имела мягкие, выражение глаз, несмотря на 60-летний возраст, распахнутое на мир. Наталья, благо что числилась еще в девках, успела до войны походить в поселковых активистах. При этом косу под красные косынки не обрезала, за модой старалась следить по журналу «Работница» и по фильмам. Даже на стройку взяла любимое платье с фонариками на плечах: победу приближать ехала, а не каторгу отбывать. Может, и стала бы в поселке просто первой модницей, но, когда погиб на финской жених, закрылась работой, достигнув на ней и высоких должностей, и грамот, и первых мест в президиумах.

День едва близился к обеду, и, чтобы экономно распределить силы до вечера, Наталья и баба Ляля старались не отвлекаться на разговоры и не зыркать по сторонам. Обернулись лишь на треск сучьев за спиной.

Из леса вытаскивала на плече бревно Зоря, семнадцатилетняя крестница бабы Лялюшки.

– Стой там! – строго крикнула она девчужке. Оставив колотун, поспешила вниз на помощь. Сдвинула девушку от комля к более тонкой верхушке осины. И только после этого, выворачивая шею, выговорила: – Кому говорила не поднимать тяжестей? Убитому пленному? Или у тебя самой все выкатывается из головы?

Напряглись, подтащили бревно к насыпи. Сами же и опустились на него, приводя в норму дыхание.

– Не обижай меня, крестная. Что я, совсем немощная?

– Сейчас как поддам больно. Не колючься. Ты мне не гусар на кочерге, а будущая невеста кому-нибудь... И не хихикай. Хочешь быть скособоченной? Наталья, скажи свое слово, – обернулась за поддержкой к напарнице.

Наталья, взяв и для себя перерыв, подолом вытерла пот с лица, облокотилась на ручки трамбовки.

– А вот отправлю со стройки, и говорить ничего не придется.

Баба Ляля победно обернулась на крестницу, но Зоря фыркнула, демонстративно отвернулась от насыпи:

– Себя лучше отправь.

От девической наглости баба Лялюшка даже замахнулась шлепнуть ту ладонью, но Зоря и уворачиваться не стала: я твоя крестница, все равно не тронешь. Та и не тронула, лишь укоризненно покивала головой:

– У-у, медюлянка растешь!

Сама Наталья слова девятиклассницы оставила без ответа, хотя скрыть, что ей это безразлично, не получилось. Взялась за натертые до костяного блеска ручки трамбовки, принялась колотить ею по насыпи так, словно сил оставалось на три таких дороги. Отвлекла лишь показавшаяся в морской тельняшке Стеша. Работу в бригаде старались менять каждую смену, чтобы не утомлялись одни и те же косточки, и морячке после вчерашнего рытья котлована выпало перемещать на тачке землю, чему она оказалась рада: возить тяжести, даже утопая колесом в землю, легче, чем таскать их на пупе.

Однако и она остановилась перед настилом, ведущим на насыпь. Сил дотолкать груз до верха не хватило, да и доски от перегруза прогнулись так, что готовы были треснуть. Ясно, что в тачку грузились те самые две нормы, приближавшие победу и сроки сдачи дороги, но, если люди могли себе позволить рвать жилы, доска не желала терпеть даже малейшей перегрузки: легче треснуть пополам, чем горбатиться под неумные страсти людей.

Спасая лозунги и норму выработки, Наталья скатилась по рыхлой боковине насыпи вниз, подлезла под настил, уперлась в доски спиной. Стеша откатила тачку для разгона, к ней присоединилась Зоря, и вдвоем, натужно хрипя, вкатили землю наверх. Зоря, оставшись на настиле, покачалась, словно пробуя его на прочность, а на деле испытывая спину Натальи. И лишь после того, как крестная погрозила ей кулаком уже по-настоящему, вальяжно сошла на свое место.

Наталья вновь по одной лишь ей известной причине оставила издевательство девчонки без отпора. Переключилась на Варю и Груню, несущих в носилках камни:

– Девчонки, камень за Стешей на дальний участок.

Только те не успели и ступить на настил, как раздался недовольный голос бригадира:

– Это кто здесь командует-распоряжается? Опять ты, Наталья?

С командирской сумкой на боку, запропавшим под ремень пустым рукавом Валентина Иванович привычно взбежала на насыпь. Не без удовлетворения оценив сделанное бригадой за время ее отсутствия, тем не менее взгляд на Наталью не смягчила.

– Я думала, лучше будет, если... – на радость Зоре, начала оправдываться та.

– Здесь я бригадир! – Валентина Иванович назидательно оглядела всех собравшихся, чтобы никто не вздумал повторять подвигов Натальи. – Я. И лучше знаю, какой участок готовить в первую очередь. После обеда – на кухню и в прачки.

И хотя конкретно никому не указывала, Наталья обреченно и справедливо соотнесла приказ к себе и сделала робкую попытку остаться на стройке:

– Извините, я больше не стану...

– Никому не позволю здесь своевольничать, – снова сразу всех предупредила бригадир. – Не в бирюльки играем. Я в штаб стройки. Работаем.

Ушла, как и появилась, несмотря на свою статью, – стремительно, бесшумно. Однако то ли назло бригадирше, то ли просто отводя себе минуту отдыха, девчата вместо указаний на работу присели на притащенный Зорей ствол осины. Варя и Стеша отстегнули от поясков солдатские фляжки, Груня освободила местечко рядом с собой для Натальи – и повыше, и от Зори дальний край.

– Слушай, Наташ, ты же была до войны нашим бригадиром. Чего эту прислали?

– А то ты не знаешь... – отмахнулась та. Было видно, что тему эту в бригаде затрагивали не раз и она Наталье неприятна.

– И знать не хотим. Чего с тобой так долго разбираются?

Наталья отвернулась, пряча выступившие слезы. И покатались они одновременно и от мелких издевательств Зори, и от указания Валентины Ивановича, запикивающей ее в самый угол всенародной стройки, и от непонятной всем тайны, завесу в которую она не могла открыть даже ближайшим друзьям. Баба Лялюшка, отпив из предложенной Варей фляжки, намерилась сказать ей свое успокоительное слово, но на насыпи появился Михалыч. Он постучал молотком по только вчера прибитому к шпалам рельсу, на глазах у всех демонстративно подложил под него несколько камней.

– Вы что, хотите, чтобы поезд под откос пошел? Умрем, но не достроим?

– Что ж ты на нас все время гомонишь, Михалыч? – переключилась с Натальи на осмотрщика баба Лялюшка. – Лучше скажи, что там на фронте. Ты к радио поближе.

– Позиционные бои, – с такой важностью сообщил железнодорожник, словно это сто-давнее словосочетание только что под великим секретом прошептали лично ему на ухо в Генштабе. – Так что смотрите мне здесь! – погрозил желтым от курева пальцем.

– Сам видишь, что стараемся до самой малой косточки.

– Колеса у поезда скажут, как старались. На дорогу, как на храм, весь фронт молится, а мы...

Посчитав свою миссию строгого надзирателя выполненной, ногой незаметно выбил обратно только что подсунутый камень – все же был лишним. Боком, скользя, спустился к женщинам. Присел около бабы Лялюшки, подтянул, как именинников, за торчавшие ушки-петельки голенища сапог. Посмотрел неторопливо по сторонам, ожидая, когда спадет внимание, и всем видом показывая: я просто шел мимо, просто передохну малость рядом с вами. И когда поверил в свое актерское мастерство, будто между прочим залез в переброшенную через плечо холщевую сумку. На ощупь покопался в ней. Опять же не привлекая лишнего внимания, вытащил газетный кулек с торчавшими через верх круглыми боками пряников. Подсунул его соседке. Та прижала, перекрестив руки, гостинец к груди.

– Сладенького хоть немного на зубок, – наклонился к ее уху железнодорожник. – На всех. Как-то так.

Посидел для остротки еще минутку, хлопнул ладонями по коленям – пора идти дальше. И главное, вообще-то, в его профессии – не стучать, а слушать. Если звук звенящий, чистый, можно шагать дальше. Если рельс отзывается глухим звуком, то уже беда: ищи трещину и меняй рельс. С учетом того, что дорогу клепали из старых рельсов, что крепили их к шпалам непрофессионалы, обходил старик километры в день.

И едва сейчас скрылся за насыпью, женщины с радостными криками налетели на подарок, размели из-под растопыренных пальцев бабы Лялюшки сладости. Хватило всем, один пряник даже остался в газетной воронке: наверняка Михалыч не забыл и бригадира.

– Как-то так, – смахнув с угощения прилипшие крапинки табака, первой впились в шелушащуюся глазурь Зоря.

Остальных тоже не пришлось уговаривать. И лишь когда были собраны языком с ладоней последние крошки, Наталья привычно поднялась первой.

– Все, Золушки. Дорогу и впрямь к медовому Спасу надо сдать. За работу.

Баба Лялюшка заранее, дабы крестница не лягнула чего-нибудь в ответ, отвесила Зоре легкий подзатыльник. Не смолчала Стеша:

– Доля ты русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать.

Разминая спину, выгнулась. Под тельняшкой остренько обозначилась грудь нерожавшей женщины, и Стеша, забыв Некрасова, поддела ее несколько раз. Но такое добро в той или иной мере имелось у каждой, и особого эффекта демонстрация фигуры не произвела. Может,

только Варя пристальнее других попробовала оценить женские прелести напарницы, но Груня подтолкнула ее к носилкам: наше дело – братья за них да идти за грузом.

Глава 4

Штабные землянки, даже если и сооружаются на недолгий срок, обустриваются быстро и основательно. Во-первых, в понятие «короткий срок» на войне мало кто верит, а во-вторых, именно из мгновений в «день-два» тихой сапой сложился уже второй полноценный год Великой Отечественной. Так что переносить жизнь и уют на завтра на фронте разучились: все сегодня и сейчас.

Преимущество штабных землянок перед солдатскими блиндажами состояло еще и в том, что для обслуживания командиров предусмотрены ординарцы, адъютанты, посыльные, охрана, которые и по долгу службы, и чтобы убить время, приукрашивают всяк на свой лад быт начальников. Авось отметят и на передок не отошлют.

Начальник контрразведки спецобъекта 217 майор Врагов мог бы тоже отметить своего ординарца, поставившего на столик букет цветов в гильзу от неразорвавшейся «крылатки». Оперение мины уверенно удерживало на приставном столике цилиндр с колокольчиками, но Врагов, ворвавшийся в землянку, даже не взглянул на новый элемент ее убранства. Прошел к стене, отодвинул, как в деревенской печке, ситцевую занавеску рядом с «летучей мышью». Всмотрелся в висевшую за ними карту района.

От топографии оторвал робкий стук в дверь. Зашторив «печь», в которой варилась похлебка для Воронежского фронта, майор обернулся на вошедшего.

– А, герой! Ворошиловский стрелок! Любитель отправлять на тот свет диверсантов! Сколько уже завалил?

Лейтенант Соболев прикрыл глаза, по-детски спрятавшись в их темноту от грозного и язвительного вида майора.

– Я задал вопрос! – не принял игры в кошки-мышки Врагов.

– Трех. Но они сами...

– А какого рожна тогда мы здесь?!

Дверь землянки то ли от крика, то ли от неправильной центровки со скрипом отворилась, но ее тут же захлопнул и припер с тыльной стороны охранник.

– Какого черта, лейтенант Соболев, мы тогда здесь? – повторил Врагов сильным голосом, который показался подчиненному страшнее того, который распахнул дверь. Соболев втянул голову в плечи. – Мертвый диверсант страшнее живого, потому что не знаем, зачем шел. Боишься, что не успеешь навоеваться? Зарубки на прикладе, как снайпер, наносишь? Что раненая?

– Молчит, товарищ майор, – обрадовался смене разговора лейтенант. – Раны неопасные, и по голове, и по животу как по заказу – по касательной. Но, едва пришла в себя, принялась срывать повязки. Нацистка до мозга костей.

– Бинты завязать, язык развязать, – навис над подчиненным майор, несмотря на то что был ниже ростом. Однако втягивающие головы в плечи Гераклы никогда не казались Гулливерами. Первое из указанного Враговым лейтенант уже сделал, со вторым, скорее всего, не справилось бы и гестапо, если каким-то образом заставить его пытать свою разведчицу. – Она шла на встречу с кем-то из наших, и твоими усилиями остается всего лишь единственной ниточкой, которая может вывести на предателя.

Соболев закивал. Не то что соглашаясь с упреками, а скорее показывая, что понимает оперативную важность раскрутки агента. В свое малое оправдание и исправление расстегнул полевую сумку, вытащил бледно-синие, проштампованные печатями квадратики бумаги:

– Среди ее документов обнаружили талоны на питание. На семь суток.

Только вот находка той радости, на которую рассчитывал лейтенант, начальнику контрразведки не принесла. Она скорее озадачила, потому что вогнала контрразведчиков в совсем уж жесткие временные рамки.

– Плохо, – не скрыл напряжения майор. – Значит, у нас шесть дней, чтобы понять, к кому и зачем шла. Шесть. Если не меньше.

Собственно, для обозначения этих сроков не нужно было и талонов. Главной задачей диверсантов конечно же являлась строящаяся дорога, ее вывод из строя до того, как начнется движение эшелонов. А еще предпочтительнее, во время движения первого состава. Самые уязвимые точки – это, естественно, мосты, крутые повороты. Но и подрыв на ровном месте участка ничего хорошего не сулил... Где вот только враг? И на каждом метре девяноста восьми километров часового не поставишь. А если и поставишь, то не факт, что кто-то из них не окажется предателем...

Майор подошел к небольшому сейфу, пригнувшему свой плоский затылок за столик, открыл дверцу двумя ключами, достал папку. Показал издали лейтенанту.

– Что здесь, как думаешь?

Папка с еще незамусоленными, нескрутившимися от частого употребления в жгут тесемками уже мелькала перед глазами Соболя. С каждым разом она становилась все объемнее, словно в сейфе ее тайно подкармливали бутербродами. Но демонстрировал ее так явно начальник впервые. А какие документы могут занимать командира, перед которым поставлена одна-единственная задача обеспечения безопасности грузоперевозок?

– Если к железной дороге не могут пробиться самолеты, то... это, скорее всего, сведения о разведцентре, который засылает к нам диверсантов, – предположил Соболев.

Скорее всего, угадал и... испугался. Майор может как похвалить за сообразительность, так и заподозрить: откуда телепатия? Уж не заглядывал ли подчиненный в документы по собственной инициативе? Вот поэтому не надо отгадок, пусть лучше там окажутся нормы довольствия для рабочих столовых...

Соболев не ошибся в своих страхах: майор и впрямь оценивающе посмотрел на него. Но склонился, к облегчению лейтенанта, к его сообразительности. Бросил папку на столик, заставив задрожать цветы, косвенно подтвердил догадку подчиненного:

– Он создан под Киевом. Специально под нашу стройку. Обучается около пятидесяти человек. Даже ты не успеешь их всех перестрелять, – не забыл напомнить лейтенанту, несмотря на сообразительность, прегрешения майор. И раскрыл наконец истинную причину своей излишней нервозности: – Москва высылает нам на усиление группу разведчиков. Мы расписались в бессилии? – Врагов вытер платком лоб с глубокими, доходящими почти до макушки залысинами. Вспотеешь, ежели начальство перестает доверять...

Дверь после стука, но распахнулась вновь. В землянку шагнула, интуитивно защищая плечо с ампутированной правой рукой, женщина в форме, и лейтенант с завистью впилился взглядом в орден Красной Звезды на ее груди. Вошедшая по-военному доложила:

– Товарищ начальник контрразведки. Командир комсомольско-молодежной бригады Валентина Прохорова по вашему вызову явилась.

– Хорошо, что прибыли, Валентина Иванович... ой, извините, Ивановна. Конечно, Ивановна, – смутился привычной оговорке на стройке Врагов.

– Ничего, я привыкла, – улыбкой сняла напряжение Прохорова. Предполагая, что разговор не окажется коротким, сбросила с плеч вещмешок, размяла затекшую спину.

Соболев торопливо опустил взгляд, увидев, как вместе с пустым рукавом задвигалась и короткая култя у плеча. Им двигал стыд за свое здоровое тело, за то, что подсмотрел ненароком увечье красивой женщины и произвольно представил, как она выглядит, это култя, без одежд...

Врагов же в благодарность за сгладившуюся ситуацию взял женщину под локоть, подвел к столику, придвинул табурет. Убрал папку в сейф, сел сбоку от бригадира. Поправил цветы в «крылатке» – все он видел и мгновенно замечал, начальник контрразведки. И ординарец молодец, будет если не похвален, то и точно не наказан за службу.

Валентина Иванович подвинула вазу, окунула лицо в цветы, блаженно прикрыла глаза. Как все же мало внимания надо для женщины! И как огромно много – всего лишь дать уловить запах цветов среди войны.

– Ничего, прикончим Германию и снова станем кавалерами да барышнями, – еще раз извинился за свою неловкость с отчеством майор и принимая сентиментальность гостыи. – А пока есть причина поговорить о повышении бдительности. Это наш сотрудник, лейтенант госбезопасности Соболев, представитель Смерша, – вспомнил о подчиненном, постаравшимся попасть на глаза.

– Здравствуйте. Сергей. Лейтенант Соболев, – протянул тот руку и попал перед фронтовичкой впросак еще больший, чем майор: та не смогла пожать ее в ответ. Краска залила его лицо, но у бригадира нашлась улыбка и для него. Даже протянула в ответ левую руку: все будет нормально.

«Я очарован вами», – сказал о главном весь вид лейтенанта.

«Я для тебя старая, толстая, грубая тетка», – притушила порыв молодого офицера Прохорова. Хотя втайне, конечно, надеялась увидеть его протест и возмущение.

«Нет-нет, мне как раз нравится такая ваша уверенная статья», – мгновенно исполнил желание фронтовички Соболев, потому что оно совпало с его собственным мнением.

«Спасибо. Но ты просто оторвался от женщин, и как только увидишь кого помоложе и с обеими руками...»

– Есть веская причина поговорить о повышении бдительности, – отвлек Врагов молчаливых переговорщиков друг от друга.

Дотянулся до своей полевой сумки, висевшей на центральном стояке, достал из слюдяного окошка карту, практически не помеченную никакими знаками. Скорее всего, она служила майору для простой ориентировки на местности, и он спокойно развернул ее на свободном пространстве столика. Фронттовую обстановку переложил на нее рукой:

– Здесь Курская дуга, тут идет наша стройка. Справа на всей «железке» начали рельсовую войну брянские партизаны. Немцы буксуют, и им наша дорога, по которой пойдет подкрепление, – как нож в сердце.

Переминающийся с ноги на ногу лейтенант тоже хотел поучаствовать в разговоре, чтобы прямо здесь, сейчас обратить на себя внимание бригадирши. Это желание оказалось столь велико, что позволил себе без разрешения начальника добавить пояснение:

– Расчеты, Валентина Ивановна, – не ошибся в отчестве, – показывают, что новая дорога сокращает подвоз техники, боеприпасов и материальных средств более чем на 150 километров. В условиях войны это составляет почти двое суток.

Майор одним взглядом осадил ретивого подчиненного. Тот немо застыл, но за прикрытые веки, как в начале разговора, прятаться не стал.

– Наша задача неизменна – уложить рельсы за 35 дней, – продолжил майор, но словно извиняясь за Москву, поставившую такие невероятно сжатые сроки. – Прошло уже...

– Двадцать семь, – отчеканила Прохорова. – Продвижение стройки – до трех километров в сутки. Грунта отсыпано более...

– Это технические показатели, – остановил бригадира Врагов, больше не теряя времени. – Наш разговор о другом. Такое масштабное строительство не могло, как вы понимаете, не попасть в поле зрения немецкой разведки. И... и есть все основания полагать, что среди рабочих у них имеются пособники.

Соболь едва успел отстраниться – настолько решительно фронтовичка встала с табурета, выпрямилась, ее лицо сделалось непроницаемым.

– В моей бригаде? Да я за каждую свою девчонку... за каждую! У них уже рукава по горло закатаны на работу...

Выудила из кармана галифе пачку «Беломора», выстучала на столе через надорванный уголок папиросину. В последний момент вспомнив, где находится, смяла ее, зажала в кулаке: извините. Не ожидавший столь бурной реакции майор тоже встал, мягко коснулся здорового плеча бригадирши, усаживая ее обратно за стол и успокаивая.

– Разговор не конкретно о вашей бригаде, Валентина Ива... нов... на! – тщательно выговорил Врагов. – Но враг есть, он реален. И есть приказ товарища Сталина, и он реален еще больше.

Нашелся, с чем снова вступить в разговор, и Соболь. Теперь уже хотя бы кашлянув для начальника и приличия, добавил:

– Две соседние бригады полегли с дизентерией и практически выбыли из работ. Это для нас плохая случайность.

Добился, добился того, чтобы женщина повернулась к нему. Но вместо открытого или хотя бы внимательного взгляда в лейтенанта уперлись два жестких кинжала:

– У меня к котлу, товарищ лейтенант, кроме повара, не подойдет ни один человек. Ни один. Вон, продукты лично ношу, – кивнула на вещмешок, оставленный у входа.

– Это хорошо, что у вас такая дисциплина в бригаде, – вернул к себе внимание майор. – Но лейтенант прав, – поддержал поникшего после резкой отповеди Соболя. – Он прав в том, что их работа ложится в том числе на плечи вашей бригады, которая сегодня работает на самом уязвимом участке – захватывает три из пяти возводимых мостов. Центральных.

– Я понимаю, – наконец осознала невольную важность и географическую значимость своей бригады Валентина Иванович. Встала, привычно приняла строевую стойку. – Я готова оказать любое содействие, какое в моих силах и полномочиях, товарищ майор.

– Спасибо. Проводите лейтенанта на свой участок, он на месте изучит организацию работ и заодно постарается отрезать от бригады всех посторонних.

Соболь не смог сдержать счастливой улыбки: с такой женщиной отправляется на стройку! А он-то маялся в раздумьях, чего майор срочно отозвал его из медбата! В самом деле, не папку же секретную демонстрировать. Но какая у фронтовички стать! Как ладно облегает форма ее формы!

Улыбнулся каламбуру, но успел принять нейтральное выражение, когда бригадир обернулась на него как будущего попутчика:

– Но только мне надо еще зайти на полевую почту, письма для девочек получить. Разрешите идти, товарищ майор?

Врагов под локоток довел Валентину Ивановича до выхода. Соболь, предугадывая взбучку, тем не менее выхватил из минной вазы цветы и выскользнул вслед за Прохоровой на улицу.

Глава 5

Курская земля изобилует пригорками, и если одни ради будущей железной дороги нещадно срезались отполированными до зеркального блеска лопатами, то не попавшие в зону стройки приспособлялись под наблюдательные посты – отслеживать приближение немецких самолетов в небе да посторонних лиц у дороги.

Выставлялись на них в основном мужчины, имевшие хоть какое-то представление о воинской дисциплине, но по состоянию здоровья отстраненные от полноценной рабочей смены. В помощники к ним определялись молодые пацаны, имевшие зоркий глаз да быстрые ноги: ни оружия, ни средств связи наблюдателям не выделялось, и рассчитывать они могли только на себя.

Бывший зэк Иван Кручиня и его сосед по деревенской улице Семка, из-за войны не успевший закончить старшие классы, дежурили вместе не первый раз. Обязанности знали, и если первые дни что у старого, что у малого от напряжения лопались сосуды на глазах, то со временем пообвыклись и научились не только вычленять и реагировать лишь на главное, но и давать себе минуты отдыха.

На этот раз Кручиня, лежа на плащ-накидке у подножия НП, втайне от Семки чистил наган, а напарник елозил на самом взгорке.

– Ну что же они не купаются, Иван Палыч? – вопрошал он оттуда. Чтобы лучше высматривать добычу, даже перевернул картуз козырьком назад. – Жара несусветная, а они только подолы подоткнули. Я б разделся!

– Ты сначала чихать перестань посередине лета, – посоветовал Кручиня.

Однако нервное возбуждение парня передалось и ему. Спрятав под плащ-накидку оружие, приподнялся, вытянул шею. Но, едва Семка обернулся, Иван Павлович торопливо сел обратно, будто происходящее его ничуть не интересовало. Снова принялся за наган, любовно и привычно крутя насыщенный желтыми патронами барабан.

– Иван Палыч, ну дайте же бинокль! Красивые, как яйца на Пасху.

– Тебе сейчас оно от перепелки покажется крупнее страусиного, – не тронулся с места Кручиня. – Никогда не видел, как бабы белье полощут?

Семка, конечно, видел. Но, когда такое мелькало перед глазами каждый день и из своих, деревенских женщин, это выглядело обыкновенным делом, мимо которого они, пацаны, проскакивали не задерживаясь. А тут чужие, да почти месяц одни мужики вокруг... Не, Иван Палыч слишком старый, чтобы понимать, как это маняще.

– Вон, вон самая такая. С ведрами. Может, вдовая? Я сбегаю? – не отступал от своего Семка.

– Сначала гребень достань да нос утри.

Семка безоговорочно снял картуз, поплевал на ладони, пригладил вихры. Понимая, что сосед подначивает, тем не менее на всякий случай вытер рукавом и нос. Безоговорочно проделанная процедура позволила ему выставить условия:

– Но только она моя!

– Извини, брат, но у тебя твое – это пока только то, что накал.

Засунув наган в сумку с противогазом, поправил рубаху как перед свиданием и на полуогнутых переместился на вершину косогора. Согнав Семку с облюбованного места, показал на оставленную внизу плащ-накидку – твое место там.

– Там-там, – кивнул для гарантии. – Молод еще под юбки заглядывать.

Дождавшись, когда под его взглядом парень беспокойно, но устроится на отдых, принялся сам всматриваться в то, чем заинтересовался напарник. Бабы на реке, да еще не подзревающие, что за ними наблюдают, – это и впрямь сладкая картина. Для старых тоже. Хотя

сорок лет – это для какого-нибудь зайца три старости, а его, Ивана Кручиню, просто внешне слегка помяли лагеря. Душа же и ум из возраста отбирают себе жизненный опыт...

Семка недовольно хмыкнул, поглядев на высывающего голову старшего. Устроился в его лежбище из веток. Достал из кармашка бумажный самолетик, распрямил его, запустил. Сделав вираж, тот вернулся почти под руку, и парень потянулся за ним для очередного запуска. Под локоть попала противогазная сумка напарника и Семка вскрикнул от боли, полученной от острого края какого-то предмета, впившегося в руку. Ощупав находку, недоуменно оглянулся на гору. Пальч страусом тянул шею к реке. Запустил внутрь сумки руку. Не ошибся – это был наган. Но как и откуда?

– Пойду развзнаю, как и что они там, – раздалось почти над ухом, и Семка согнулся, пряча животом пистолет от возвращающегося начальника. – На, смотри, сколько захочется, – протянул вожделенный бинокль.

Сам расчесался, пригладил усы, экипировался. Семка не мог оторвать взгляда от опустевшей противогазной сумки, устроенной на плече Кручиня, и, боясь в то же время остаться с оружием наедине, попросился:

– Вдвоем оно бы сподручнее...

Кручиня с улыбкой, но отрицательно помотал головой, натянул напарнику картуз на глаза.

– Вдвоем хорошо батьку бить. А в этих делах, брат, надо на цыпочках, молча и в одиночку. И не обижайся. Если что – поделюсь, – пообещал принять во взрослую компанию при положительном исходе дела. – Давай на пост.

Семка, засовывая пистолет за пояс, уполз на наблюдательный пункт, но Кручиня не успел сделать и нескольких шагов, как перед ним вырос железнодорожный обходчик. Оба замерли, всматриваясь друг в друга. По мере узнавания железнодорожник непроизвольно приподнимал молоток, но, устыдившись собственного страха, опустил его. Успокаиваясь, пригладил бороду:

– Все ж это ты! А я смотрю издали раз, другой – и глазам не верю.

– Я, Михал Михалыч, – кивнул Кручиня с горькой усмешкой. Встреча не обрадовала, он даже тоскливо оглянулся на горушку: лучше бы сидел на Семкином месте да крутил окуляры бинокля. Не все то близко, что трогаешь руками...

– И что, доволен фашистом? – поинтересовался Михалыч, на всякий случай вновь сжав рукоятку молотка.

– А чего это мне быть им довольным? – недоуменно пожал плечами Иван Павлович, прекрасно понимая при этом подоплеку вопроса.

– Так сначала вы с Деникиным страну топтали, теперь немчура ваша пытается.

– Михал Михалыч, – посмел перебить Кручиня собеседника. – Ты меня арестовал в двадцатом? Арестовал. Лично отвез на своем паровозе в ГубЧК на 15 лет? Отвез. Я свое отсидел. Что еще надо?

Отпор и решительность, набравшие силу в голосе бывшего белогвардейца и заключенного, неприятно кольнули железнодорожника. Он кашлянул в кулак с зажатой в него бородой. Однако собраться с мыслями и достойным ответом не смог, выдержки хватило только на полукрик:

– А мне надо, чтобы духу твоего белогвардейского здесь и близко не было. Грехи замаливаешь? Да мы сами в жилы вытянемся, но сделаем дорогу без вас, приспешников. Или вредительством тут занимаешься? Вон отсюда!

У Кручиня заходили желваки, однако он, в отличие от Михалыча, сумел сдержаться: школу бессловесности прошел отменную. Но ответил все так же твердо:

– Я сам решаю, где мне быть. И на этом – все. Точка!

– Что? – утратил последнюю грань выдержки железнодорожник. Молоток, как томагавк у индейца, вновь взметнулся вверх. – Что? Ты, беляк, мне, красному командиру, рот затыкаешь?

Поднятая рука не испугала Ивана Павловича. Он даже сделал шаг навстречу старому знакомцу. Но, оказалось, лишь для того, чтобы прошептать только для одних его ушей:

– Мой белый генерал Деникин отказался служить на Гитлера. А вот ваш красный Власов...

– Да за такие слова... За такие слова, – молоточный томагавк взметнулся несколько раз, Михалыч стал хватать ртом воздух.

– А они не мои, – открестился, восстанавливая дистанцию, Кручиня. – Так в газетах пишут. В «Правде» и «Красной Звезде». А их товарищ Сталин читает. Фотография такая есть – Сталин с газетой «Правда» в руках.

Обойдя застывшего обходчика, Иван Павлович скрылся за деревьями. Михалыч искал глазами свидетеля, потому что на наблюдательные посты выставлялось по два человека, но Семка от греха подальше давно ящерницей уполз за бруствер окопчика. Вымещая злость, железнодорожник покрутил, теперь уже как тевтонским мечом, молотком над головой и уже готов был запустить его вслед за ушедшим эком, но сдержался. Скрипя зубами, изменил маршрут и направился в штаб стройки: еще неизвестно, чье слово окажется последним и каким оно будет.

Встреча со старым знакомым разбередила и Кручиню: он только внешне сохранял спокойствие, а внутри, набирая локомотивную мощь, отнюдь не в мягком вагоне помчалось, застучало на стыках сердце. Зная эту его страсть мчаться под уклон, Иван Павлович и старался избегать копать в своих лагерных годах. Сегодня не получилось. Но ничего. Не должны дергать. Проверку прошел перед отправлением сюда, еще подчеркнули на сборном пункте: стране, а тем более сейчас, нужны солдаты и рабочие, а не эки. И эта дурацкая, совершенно не нужная никому встреча ничего не изменит в его жизни. Он не скрывал, что сидел, в справке об этом же написано, так что документы в порядке... Так что где там красивые, похожие на пасхальные яйца?

Успокаивая стук сердца, стал вслушиваться в негромкую песню, идущую от реки. По ней сверил направление, вышел на тропинку, заранее примеченную в бинокль, зашагал быстрее. И едва не столкнулся с Натальей. Та сгибалась под тяжестью коромысла, на котором вместо ведер было развешано постиранное белье. Появление постороннего человека ею совсем не ожидалось, девушка от неожиданности развернулась, и в это время из кустов, как из засады, поднялся Семка. Уворачиваясь от несущегося на него белья с коромыслом, оступился, интуитивно схватился за мокрую постирушку, пытаюсь удержаться на ногах. Но вместе с ней и завалился обратно в кустарник.

Вместо того чтобы спасти свой труд, Наталья схватилась за фонарик на рукаве платья, где на глазах лопнула и разъехалась материя. Воистину женщина скорее согласится на новую морщинку на лице, чем на неряшливость в одежде.

– Извините, ради бога. Я его за Можай... – сложил в мольбе руки Иван Павлович.

Семка продолжал копошиться в белье. Под руки попались женские панталоны, он намерился подать их Наталье, но сам же и засмутился, спрятал тряпицу за пазуху.

– Последнее платье, – печалилась о своем Наталья. – Не додержалось до Спаса... Кто вы такие? Откуда свалились?

– Не со злого умысла, – продолжал извиняться Кручиня, топчась на месте. – Мы с наблюдательного. Давайте помогу.

– Теперь без надобности, – вздохнула прачка. – Все равно опять идти полоскаться.

Иван Павлович принялся укладывать белье на коромысло, возвращенное на девичьи плечи. Вырвал у Семки панталоны, но девушка в этот момент обернулась, и Кручиня сам в смущении торопливо засунул их в противогазную сумку.

– Спасибо, – кивнула Наталья разорителям-помощникам и заторопилась снова к реке.

Кручиня наконец-то смог занести кулак над головой парня. Тот, провинившийся со всех сторон, повинно склонил ее.

– Я где сказал тебе быть?

– Так оно вон тоже как-то так... – попробовал передать свое состояние Семка.

– Ясно. Но ты прав в другом и потому прощаю – такую женщину и солнцу греть приятно, – привычно натянул парню козырек на нос.

Пока тот освобождался от него, на тропинке показались лейтенант и местная знаменитость, гордость стройки – безрукий бригадир Прохорова с мужским отчеством Иванович. Словно опровергая общее устоявшееся мнение о своих мужицких замашках, она счастливо окунала лицо в букет, а лейтенант старался удержаться рядом с ней на узкой дорожке, придерживая даму под локоть. Получалось неловко для обоих, но кавалер не оставлял попыток явить свою учтивость и говорил, говорил...

– Закончим здесь, и я сразу на фронт, туда, туда...

Лишь увидев посторонних, резко отдернул руку, поправил вещмешок за плечами. Опережая попутчицу, с суровым видом подошел к сбежавшим с поста наблюдателям:

– Кто такие? Почему не работаем?

– Определены наблюдать за воздушной обстановкой и местностью вокруг трассы, – отчеканил Кручиня.

– Тогда почему не на НП?

– Э-э... заметили движение незнакомого человека на этой тропе. Проверяли. Своя, прачка, – не моргнув глазом, потому что излагал почти правду, ответил Иван Павлович.

– Молодцы. Документы!

Кручиня и Семка вытащили свои бумаги, лейтенант принял их, развернул.

– Семен Чернухин, комсомолец-доброволец... Иван Павлович Кручиня... О-о, бывший политзаключенный. А вот это уже интересно. Власть, значит, не любим? Руки!

Команда для кого-то могла показаться неожиданной и странной, Кручиня же, автоматически, машинально реагируя на тысячи раз слышанный в лагере подобный приказ, привычно поднял их, позволяя Соболю обшарить одежду. Не найдя ничего подозрительного в карманах, складках брюк и рубашки зэка, смершевец открыл противогазную сумку. Это был конец, и Кручиня обреченно закрыл глаза, чтобы не видеть оружия. И не увидел другого – как в руке лейтенанта оказались женские панталоны. Валентина Иванович с улыбкой отвернулась, у Соболя глаза полезли на лоб, и тогда неожиданно вперед выступил по-комсомольски честный Семка:

– Это я. Это мои, товарищ лейтенант... В смысле я их снял... У нее... – кивнул в сторону реки, куда ушла Наталья. Сообразив двоякость смысла, стусевался, попробовал исправиться: – Не снял, конечно, они сами у нее упали...

Бессильно опустил руки, склонил голову: все, запутался с этими женщинами. Зато открыл глаза Кручиня, принимая вызов судьбы. Пистолет ему в зоне боевых действий, конечно, никто не простит. Да хоть случись это и в глубоком тылу, когда даже охотничьи ружья заставили всех сдать...

– Разберемся, у кого что падает, – пообещал парнишке лейтенант, продолжая опустошать сумку подозрительно застывшего зэка. И наконец нашел то, что могло представить интерес. Кивнул на дно сумки, продолжая говорить о собеседнике в третьем лице: – А это что у нас?

Кручине в эту минуту более всего хотелось вытереть испарину на лбу. Но он вынужден был стоять по стойке «смирно», потому что любое шевеление могло истолковаться смершевцем как попытка к бегству или нападению. А ликвидированных при подобных ситуациях зэков он за пятнадцать лет насмотрелся вдоволь.

– Так что это у нас? – повторил вопрос лейтенант, встряхивая сумку.

– Это, так сказать... Для самообороны. Вдруг враг... – промямлил белогвардеец, не решаясь скосить глаза на оружие.

– И этим мы хотим победить врага? – усмехнулся Соболев, рассматривая самодельный нож.

Иван Павлович приподнял оставшуюся пустой сумку, не веря в мистическое исчезновение нагана. Зато лейтенант, явно демонстрируя перед дамой свою ловкость, вдруг занес удар над Кручиной. Тот успел среагировать, выпустив сумку и выставив блок: опять же машинально, опять же сработала генетическая память выживания на зоне, когда подвох ожидался что от охранников, что от соседей по нарам.

Но Соболю конечно же умелая защита противника не понравилась. Недовольно усмехнувшись, он покачал головой перед противником. Но не ради пренебрежения, а отвлекая того от нового замаха. И сделал то, что недопустимо в любой схватке, – неожиданно развернулся спиной к врагу. Но не остановился, а продолжил круговое движение. И снизу-сбоку сымитировал удар.

На этот раз Кручиня даже не шелохнулся, и оставшийся довольным смершевец демонстративно, двумя пальчиками отпустил нож. Тот легко впился в землю около ног зэка. Так в детстве играют в ножички «на землю»: как впилось лезвие, так по его направлению и проводишь черту, за которую сопернику уже нельзя ступить. Правда, есть маленькое условие: из своих владений еще надо самому дотянуться до конечной точки прочерченной линии. Бери столько, сколько осилишь...

– Вот так надо побеждать врага, гражданин Кручиня, – назидательно подвинул носком сапога сумку к хозяину. – Реального врага, а не... – кивнул на блаженно развалившиеся на солнышке панталоны. – Надеюсь, что до скорой встречи, когда мы отдельно и обстоятельно побеседуем.

С превосходством отдав честь, предложил бригадиру продолжить путь. Валентина Иванович одарила победителя улыбкой и охотно пошла вперед. Кручиня, не проводя, как в игре, земельной черты, вытащил нож, еще раз осмотрел пустую сумку и поднял взгляд на Семку. Тот отступил, наверняка жалея, что смолчал перед лейтенантом о найденном пистолете.

– Ну? – потребовал Кручиня.

– Я как комсомолец...

– А я как бывший зэк сейчас вот этим ножичком, по примеру товарища лейтенанта...

С удовольствием повторил прием с разворотом, о котором почему-то не знали на зоне. Но разворот позволил увидеть и подходившую к ним женщину с санитарной сумкой. Врач оцепенела, рассмотрев нацеленный на парня нож, и Кручиня остановил прием.

– Извините, здравствуйте, – не спуская с ножа глаз, прошептала врачаха. Зачем-то принялась оправдываться: – Я в бригаду Прохоровой... Не подскажите, как пройти?

– Я вас прово... – подался под ее защиту Семка.

Да только где развернуться на узкой лесной тропинке трем человекам? Кручиня клешней загреб парня к себе, подставил нож к спине. Даже надавил слегка, чтобы беглец почувствовал острие через тонкую рубашку.

– Он бы рад вас проводить, но ему надо на пост, – улыбнулся невольному свидетелю Иван Павлович, покалывая ножом свидетеля явного. – А вам идти вон туда, – указал подбородком дорогу к бригаде.

– Но вы ничего не...

– Да вы что, – картинно возмущился Кручиня сомнениям врача. Даже вывел из укрытия и продемонстрировал нож: видите, ничего не прячем, все на виду. Правда, Семку при этом не отпустил, удерживая пальцем за ремень. – Это нам товарищ из Смерша порекомендовал в свободное время изучать приемы самообороны. А вы, если поторопитесь, сможете догнать бригадира. Она только что с товарищем лейтенантом пошла в том же направлении.

Врач на всякий случай несколько раз обернулась, прежде чем не скрылась за деревьями. «Ничего, все в порядке», – кивал и улыбался ей всякий раз Кручиня. А оставшись без свидетелей, развернул к себе парня и наставил нож уже в грудь.

Семка, затравленно глядя в налившиеся кровью глаза зэка, принялся выдергивать зацепившийся за пояс наган.

– Осторожнее, – успокоил его белогвардеец. – А то отстрелишь себе что-нибудь в штанах, потом хоть сто раз бегай смотреть на девок на речке...

Обретя наконец оружие, отпустил парня. Тот, почувствовав свободу, отбежал. Видя, что односельчанин не собирается его стрелять, что снова прячет оружие в противогаз, в недоумении прошептал:

– Но он же ваш. Именной... От самого Деникина!

Столько дней и ночей провести рядом с врагом и не распознать его... Конечно, он знал, что Иван Павлович сидел, все в поселке об этом ведали. Но что не исправился, что затаил злобу и оружие, которое готов повернуть против советской власти...

– А ты не знал, что чужая тайна – это яд? – зачем-то подмигнул белогвардеец. Но ему, Семену Чернухину, не надо подмигивать. Он все равно не допустит, чтобы на секретной стройке разгуливали с оружием враги мировой революции. – Живешь до тех пор, пока молчишь! И это уже кроме шуток.

Лицо зэка вновь на глазах, в одну секунду застыло в жесткую непроницаемую маску, и парень согласно закивал. Выручая, в небе начал зарождаться гул самолета, слышались скороспелые разрывы зениток, завывала далекая сирена.

– Разведчик, – определил на слух тип самолета Кручиня. – Бегом на пост!

Семка сам понимал, что отсутствие на посту во время налета грозит если не трибуналом, то позорным отлучением от стройки точно. Опережая старшего, рванулся к наблюдательному посту, сквозь просветы листьев видя, как с неба посыпались листовки. Кручиня отстал и, понимая, что иного момента доложить о нем смершевцу может не представиться, рванул в лес.

– Семка, Семка, не глупи, – раздалось вслед, но он уже несся сквозь кустарник, не обращая внимания на преграды из паутины, цепляющиеся за одежду ветки, бросающиеся под ноги рвы. Он доложит, он предотвратит, он обязан стоять на страже социалистического государства!

Глава 6

Формировочная горка отличается от обычного железнодорожного пути только тем, что имеет уклон. Паровоз затаскивает на нее вагоны, нужные отцепляются и самостоятельно, под собственной тяжестью катятся по стрелке к тому составу, который формируется на данный момент.

Нужна ли была горка в условиях жесточайшего лимита времени, проектировщики спорили недолго. Нужна и горка, и отстойники. Только с марта и до начала стройки немецкая авиация совершила более пяти с половиной тысяч налетов, сбросив на близлежащие районы порядка одиннадцати тысяч бомб. И хотя над строящейся веткой военные сумели выставить практически непробиваемый заслон противовоздушной обороны, гарантировать неприкосновенность полотна и бесперебойность движения по нему никто не мог. И ставить под угрозу бесперебойность движения из-за одного какого-нибудь разбитого или опрокинувшегося на рельсы вагона было слишком недальновидно. Поэтому минимальное количество пристроек и приспособлений вдоль «железки» возводилось параллельно с основной ниткой. Рядом со своими участками строители возводили и жилищные временки, навесы, оборудовали полевые кухни. Все должно было быть рядом, под рукой. Лимит времени и впрямь определялся как жесточайший.

Груня и Варя, подсовывая колья под бревно, перекачивали его к ручью, через который возводился мосток. До цели оставалось каких-то пять-семь метров, и за ними их ждала долгожданная тень от навеса. Но силы иссякли, и, когда в очередной раз кол заскользил по бревну, Варя не удержалась и упала. Встать сил не нашлось.

Присела рядом и Груня.

– Вот и узнали, как устают две собаки сразу, – облизывая сухие губы, проговорила она. – Передохнем.

Подула на мозоли, остужая их черные от запекшейся крови подушечки. Показалась Стеша, несущая в подоле чумазой тельняшки камни. Она нашла силы донести их до берега, наклонилась высыпать, да так и застыла, схватившись за поясницу. В таком положении подняла одну из листовок, выброшенных из самолета. И хотя существовал на стройке негласный запрет на их сбор и чтение, принялась декламировать:

Девочки-мадамочки,
Не ройте ваши ямочки.
Приедут наши таночки —
Объедут ваши ямочки.

Ознакомившись с немецкой поэзией, уже согласно инструкции особистов смяла листок, хлопнула себя по заду:

– А вы сначала доедьте. А то ишь – шустрые.

Удар словно помог разогнуть натруженную спину, и Стеша блаженно потянулась:

– О, русскую бабу, наверное, и впрямь можно выпрямить, лишь похлопав по заду. А кто это там едет в гости в коробчонке?

По уложенному пути толкала дрезину баба Лялюшка. На ней, скорчившись, лежала Зоря. Не успели женщины подхватиться на помощь, из леса, оглядываясь, выскочил Семка. Подскочил к дрезине, принялся толкать ее вместе с бабулей.

– Ты откуда появился весь такой бесплатный? – удивилась та.

– Бежал. Вижу, помощь нужна, – не моргнув глазом, преподнес себя заботливым и милосердным Семка.

Баба Лялюшка снисходительно посмотрела на щуплую фигурку парня, освободила рядом местечко для добровольного помощника:

– Ладно, хоть покряхтишь за меня.

Остановила скорую железнодорожную помощь, когда подбежали и девчата из бригады. Сама присела рядом с Зорей, погладила волосы виновато улыбающейся крестнице, пояснила для всех:

– Я думала, что она хоть в полосочку дура, а оказалась – полная. Рельс потащила. Убила бы, если б не растила, – прижала голову девушки к груди.

– Врача надо, – спохватилась Варя.

– Уже побежали. А вы тоже марш отсюда, плакальщицы. Дайте человеку не стесняться.

Зоря не стонала, кровью не истекала, а значит, все было не так страшно, как показалось на первый взгляд. Повинуясь указаниям бабы Ляли, женщины отошли от дрезины, переключились на Семку. И, словно не умирали только что от усталости, принялись поправлять прически.

– Баб Лялюшка, а где жениха подцепила? – не удержалась первой Груня.

– А он на всех один или уже привязан к какой-то изгороди? – расправила то ли тельняшку на груди, то ли грудь под полосками Стеша.

Старуха неодобрительно посмотрела на молодежь.

– Марш отсюда! Молод он еще для вас. Да и жевать надо тот пряник, который в своем кармане, а не на чужом прилавке.

– Не скажи, баб Ляля, – не согласилась Стеша, кружа вокруг испуганно озирающегося по сторонам Семки. А тот, еще намеренно мечтавший оказаться в женском кругу, понял: в таком плену ты не хозяин. Когда они скопом, лучше и впрямь глядеть на них со стороны, тайком. На цыпочках, как сказал Иван Палыч... А Стеша не унималась: – У нас некоторые на вид – ни украсть, ни посторожить, а потом раз подолом – и, как неводом, всех золотых рыбок себе.

По тому, что остановилась напротив Вари, намек явно адресовался ей. Груня, несмотря на то что была меньше росточком и дробнее, торопливо встала между ними, оттолкнула грудью Стешу. Морячка не стала сопротивляться, заломила картинно руки:

– Ох, дура была, дура. Честная до смерти. Но теперь...

Пошла зазывно на Семку. Тому и отступать – только обратно в лес, где его ищет белогвардеец-сосед. И стройка вроде огромная, говорят, более 50 тысяч народу нагнали вместе с военными, а деться некуда. Даже они, наблюдатели, ограничены в перемещениях только в пределах своих рабочих участков.

А тут оказалось, что и убежать-то никуда не требуется: к ручью вышел Кручиня с коромыслом и бельем на плечах. Наталья несла следом тазик с постирушкой. Увидев на дрезине Зорю, подалась к ней, но девчонка равнодушно отвернулась. А вот встретившись глазами с Семкой, торопливо натянула на колени платье. «Значит, будешь жить», – отлегло на сердце у крестной, приметившей огонек в глазах молодых.

Иван Павлович, свалив поклажу в корыто около навеса, пошел на Семку. Тот подался-таки под защиту Стеши, и морячка не потерпела возможной утраты:

– Девки, пряники наши воруют!

Дурачась, Груня и Варя выставили защиту, но Семка, минуту назад уже побывавший в девичьем кольце, из двух зол попробовал выбрать побег. Попятился, но зацепился штаниной за отогнувшийся край у дрезины. Спасая одежду, повалился на Зорю. Та вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли, и Семка, боясь пошевелиться, замер у ее ног. «Пряник» словно сам скатился к тому, кто в нем, может быть, более всего нуждался. Или, по крайней мере, по возрасту мог принадлежать.

Обстановку разрядила появившаяся врачиха. Едва увидев ее на рельсах, баба Лялюшка замахала рукой:

– Это к нам, Полина. К нам!

– Всем марш отсюда! – на ходу расстегивая сумку, отдала медик распоряжение собравшимся. Узнав Семку, не без облегчения улыбнулась: – Живой? Но тоже марш.

Ослушалась врача лишь баба Ляля, к ней Полина и обратилась за разъяснениями:

– Что случилось?

– В герои рвется, а живот один.

– Ясно. Баб Ляля, иди тоже прогуляйся, – отослала старуху к навесу врач. Болячки человека – это только его тайна. Посчитает нужным, сам расскажет другим о своих хворобах, но никак иначе.

А полку других прибыло: у навеса объявились завершившие осмотр участка бригадир и лейтенант Соболев. Кручиня, закрывая спиной комсомольца-добровольца, встрепенувшегося при виде смершевца, стал вытеснять Семку за постройку. Выдерживая до конца легенду, кивнул на трамбовки – работаем.

Однако начальство в данную минуту больше заинтересовало врача, которая, прикрывая собой больную от любопытных глаз, расспрашивала-отвлекала ту от осмотра.

– Кто ж из тебя каторжанина сделал?

– Я сама. У нас план... – морщась от надавливаний и ощупываний врача, проговорила Зоря.

– Какой может быть план для таких, как ты?

– План строительства железной дороги, товарищ врач! – посчитала нужным пресечь расхолаживающие разговоры бригадир. Как и подойти вплотную к дрезине, чтобы присутствовать при осмотре: за своих рабочих она отвечает не в меньшей степени, чем забредшая на огонек медработник.

Поведение бригадира Полине не понравилось. Отбросив русую челку, падающую косым клином на глаза, оценивающе осмотрела фронтовичку. Орден впечатления не произвел, рука... Что рука? За войну столько калек появилось, что инвалидность считалась порой благом, – зато не убило. И потому сказала то, что посчитала нужным напомнить как врач:

– Ей еще детей рожать, а не... – не смогла сдержаться, кивнула на букет в руке Прохоровой, – ...а не только цветочки нюхать.

Валентину Ивановича словно окатило холодной водой. Прикрыла глаза, сдерживая гнев: еще никто на стройке не посмел говорить с ней подобным тоном, а тем более выставлять упреки. Расстояние до навеса было небольшим, Полина на шепот не переходила, и Соболев, поправив ремни, направился лично одернуть зарвавшуюся врачиху: ты сначала повоюй, как некоторые. Да, не дай бог, при этом стать инвалидом...

Однако бригадиру самой хватило благоразумия первой оставить место спора. Не дала и лейтенанту ввязываться при посторонних в женские разборки. Но, отойдя, бдительно оглянулась в сторону дрезины:

– Ты говоришь о безопасности объекта, а она вон в любое время дня и ночи в любую бригаду...

В ней конечно же заговорила женская обида. Возможно, врач задела и самую больную тему – отсутствие детей. Но и поставленная начальником контрразведки задача по усилению бдительности абсолютно не являлась лишней или надуманной. По крайней мере Валентине Ивановичу хотелось, чтобы именно так подумал лейтенант о ее предупреждении.

Тот понял правильно:

– Мне нужно знать досконально все о каждой. О каждой, кто работает и бывает здесь. Где твоя землянка?

Уединения Соболев желал в первую очередь для того, чтобы, успокаивая Валентину, дотронуться до нее, прижаться как бы ненароком. Ведь то, что может показаться настырным в простой обстановке, во время утешений превращается в заботу о человеке.

Валентина Иванович сама впервые пожалела об отсутствии личных апартаментов, извинилась:

– У меня с девочками одни нары, сил и времени обустроиваться не было. Вон там столик есть. Погоди, только письма раздам.

Вытащила из сумки щепотку желтых, исписанных адресами и проштампованных солдатских треугольников, но вдруг остановила себя. Обернулась к настороженно глядевшим на нее девочкам, сделала вид, что доставала папиросы. Незаметно опустила конверты обратно, пояснила сопровождающему:

– В другой раз. Там похоронка для Вари... После. После стройки, а то будет вселенский вой, а не работа.

Не сдержалась, снова оглянулась и сразу уперлась взглядом в Варю. Та в тревожном ожидании подалась навстречу, но Валентина Иванович кивнула сразу всем – все нормально, мы сегодня без известий. Указала Соболю тропинку к столику, где могли побыть без свидетелей.

Однако едва поравнялись с навесом, их неожиданно окликнули:

– Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, мне сказать...

Поднявший руку Семка просил обратить на него внимание, но Кручиня с гаканьем опустил, промахиваясь, трамбовку на его ногу. И пока тот прыгал на другой от боли, Иван Павлович сам пояснил просьбу парня:

– Носилок не хватает, товарищ лейтенант. Женщины в подолах камни таскают. Надо бы как-то посодействовать.

Соболь, как к последней инстанции, оглянулся на Валентину Ивановича, та подтвердила: не хватает. Таскаем и в подолах. И хотя в должностные обязанности сотрудника Смерша забота об условиях труда рабочих не входила, ради своей значимости лейтенант пообещал спутнице:

– Поставим вопрос.

Больше просьб не последовало, и он продолжил путь с бригадиром.

– Поставят вопрос, – сообщил оставшемуся без подмоги, сжавшемуся Семке напарник. Похлопал по сумке с пистолетом: – Я тебя предупредил. Еще одна глупая попытка, и... Давай на пост.

Кивнул издали женщинам, прощаясь. Направил Семку в сторону леса.

– Не день, а бал-маскарад. И все мимо – и клоуны, и принцы, – проводив взглядами сначала начальство, потом мужчин, потом к нарам бабу Лялю с Полиной и Зорей, произнесла с неподдельным вздохом Стеша. – В таком случае я – спать.

– Погоди. Я приготовила ужин, – попыталась остановить ее Наталья.

– Это где крупина за крупиной бегаёт с дубиной?

– Ничего, перезимуем, – долгая русская зима приучила и летние трудности переиначивать на себя. – Валентина Иванович разрешила открыть тушенку и устроить пир через три дня, на мой день рождения, – извинилась за нынешнюю скудность стола Наталья. – Но кушать надо, хоть крупиной с дубиной. Иначе свалимся под насыпь.

Стеша согласно покивала, но от своего намерения не отступилась. Проходя мимо Вари, замедлила шаг. Проговорила словно для себя:

– Эх, когда-то и я красивой, может, и не была, но уж молодой – точно! И какие ночи были звездные, если бы кто знал!

Мечтательно закатила глаза, вспоминая довоенное время или только наговаривая на свою бурную молодость. Только и этого оказалось достаточно, чтобы лицо Вари сделалось земляным, глаза мгновенно выщвели, руки опустились. Ни слова не сказав в ответ, вернулась к бревну, которое не докатила до цели. Взялась за кол, поддела четвертованную тушку сосны, напряглась. Наталья замахнулась мокрым полотенцем на Стешку, но не достала и тогда постучала по голове: думай хоть, где и что говорить. А Груня просто отобрала у подруги кол и усадила ее на легкую, золотистую корочку сосны. Той бы стать корабельной мачтой с алыми

парусами, а не подпирают промасленные шпалы над безвестной речушкой, но война вносила свои коррективы в жизнь не только целых народов, судьбы отдельных людей, но, видать, и природы...

– Ну что ты, что ты! – обнимала подругу Груня. – Что ты, как дитя малое, на каждый чих дурехи?

– А что она... все про свое одиночество?... Я ей виновата? И в морячку вырядилась под Василя. Ничего не понимаю и не вижу, что ли?

– Тю! Стешку не знаешь? Язык без костей, голова без ума. Ну, хотела тоже замуж, так кто ж не хочет? Но и у мужиков ведь свои глаза есть, не бараны. Василь оценил тебя-то, не ее, – поддела локтем. – Что сам пишет?

– Как ушел с конвоем в море, так больше ни слова. Месяц и три дня. Не пишет один человек, а кажется, что молчит целый мир. Как так может получаться, Груня? Вот, последнее...

Достала из кармана кофточка, пришпиленной булавкой, затертый от частого доставания треугольник. Бережно, с осторожностью и почтением архивариуса раскрыла его. Глядя поверх листа, начала читать наизусть:

– «Привет из далекого края в свою родную сторонущку. Дорогие мои Варенька, любимая теща Мария Михайловна и кот Мурзик! Мы продолжаем бить врага среди холодных вод Баренцева моря. Если бы не война, никогда бы не увидел эти суровые земли. Милая Варюшка...»

Слезы накрыли, видать, не только глаза, но и сердце, и Варя замолчала. Груня про себя еще раз помянула Стешку не совсем ласковыми словами, обняла, закачала подругу, как успокаивают маленьких.

– Ничего. Приедет твой Василь героем, будет деткам рассказывать про дивные дали, моря-океаны.

– Лишь бы приехал... Ох, как же молюсь, чтобы приехал!

– Приедет. Вон как немца гонят, в хвост и в гриву. Пойдем на ужин.

– Я немного еще поработаю.

– Никаких поработаю, – не разрешила подруга. – На ногах еле стоишь.

– Ничего, – успокоила Варя. – Мы метр дороги сделаем, а война, глядишь, на день раньше кончится. А значит, и Василь придет быстрее. Сейчас все, что делаем здесь, польза победе.

Подняла кол, поддела его под бревно. Груня, вздохнув, наклонилась за своим. Приноровившись к единому ритму, рывком перевалили кругляш...

Глава 7

Землянка начальника контрразведки майора Врагова даже за малый срок своего существования на курской земле видела многое, но такой ярости, как в это утро, не могли припомнить ни в охране, ни ординарец, ни посыльные. Достаточно сдержанный, обычно прячущий свой гнев за язвительность и сарказм, на этот раз майор едва ли не тычками в спину загнал в нее Соболя из подъехавшего автомобиля. Мог бы и взашей, будь повыше ростом.

– Без единого выстрела! Как щенков! Кто должен был обеспечивать ее охрану? – ревел он на вытянувшегося в струнку у центрального стояка Соболя.

Часовой прикрыл дверь, замахал на ординарца, бегущего с чайником: какой чай, какие сушки. Побереги свою голову и зад, если не хочешь на них приключений.

А Врагов неистовствовал внутри:

– Кто, я спрашиваю, отвечал за охрану раненой?

– Я, – выдавил из себя лейтенант.

– Нет! Я! Я должен был выставить охрану. Но – к тебе, – ткнул майор пальцем в грудь подчиненному. – Потому что первые три диверсанта – что? – подлез под немигающий взгляд лейтенанта. Для полноты картины оставалось кому-то из них двоих соорудить рожицу, но шутки уже не проходили. – Что? – требовал ответа Врагов.

– Они ведь сами застрелились, товарищ майор. Не хотели сдаваться. Вы знаете... – попробовал поискать правду Соболю.

– Знаю, – признался Врагов, но не дал лейтенанту уйти от взгляда, как из-под линии огня. – Но все три убитых диверсанта – практически у тебя на глазах. Остались одни их имена, а толку от этого? Теперь у тебя же успешно воруют раненую...

Соболю сглотнул сухую слюну:

– Неужели вы думаете...

– А что тут думать? – вытянул подбородок майор. Однако долго в такой выгнутой позе стоять не смог и отошел наконец от подчиненного. Тот торопливо сделал несколько коротких глотков воздуха. – Прячем концы в воду, товарищ лейтенант? Или кто ты там у абвера? Господин капитан?

Это могло расцениваться как обвинение, и лейтенанта качнуло. Почувствовав спиной стояк, поддерживающий крышу землянки, прислонился к нему: поддержи и меня. В лопатку впился гвоздь, на который начальник обычно набрасывал командирскую сумку и бинокль, но даже укол показался тупым по сравнению с прозвучавшими подозрениями. От Врагова не ускользнуло паническое состояние подчиненного, можно было дожать его до полубоморочного состояния. Не из вредности, а прививая на будущее вакцину от паники. Но в данный момент других помощников не имелось, и майор пожалел в первую очередь себя: с кем-то работать ведь надо.

Отвлекая Соболя от внутренних переживаний, взял со стола пустую гильзу, побарабанил по ней пальцами: а ведь здесь стояли цветочки, товарищ лейтенант – господин капитан.

– И как она? Отвечает взаимностью?

– Так... так от меня к ней только уважение, товарищ майор, – дамская тема могла оказаться не менее щекотливой, но если выбирать между Сциллой и Харибдой... – Воевала. Орден. Муж погиб. Сама после госпиталя осталась в этих краях. Первой организовала бригаду, вывела в лучшие, – отчеканил, словно зачитывал характеристику из штаба стройки, Соболю. А может, она и была именно оттуда...

– Уважение – это хорошо, – не стал возражать майор. – Но тебе сейчас не амурсы водить надо, а сомневаться в каждом, как только что в тебе сомневался я. Чтоб качало, – дал понять лейтенанту, что ничего не ускользает от его взгляда. – Допросить всех, кто соприкасался с

раненой. Без пощады. Я к начальнику стройки. Что достанется мне за выкраденную диверсантку, аукнется тебе в стократном объеме. Жди и бойся.

Дверь распахнул ногой – разговором о бригадирше ярость не унялась. Но ведь и случай с похищением шпионки – это самому попасть под служебное разбирательство. И если с первыми эшелонами что случится, не сносить погон. В лучшем случае...

Зарычал от злости и лейтенант, едва Врагов исчез в скошенной солнечной тени дверного проема. Дверь отбиться назад не успела – ординарец майора втолкнул внутрь землянки Полину. Помня, как неприятно было стоять перед вывернувшим голову начальником, сделал точно так же перед врачом. Да еще вдобавок протянул пустую вазу:

– А не хотим ли понюхать цветочки?

Женщина промолчала, нутром понимая, что это пока не относится к допросу. Что это всего лишь мелкая месть, недостойная офицера. Хотя именно месть и зависть делают человека зверем. Поэтому, невольно повторяя следователя, сглотнула слюну.

– Ты разрешила раненой встать? – перешел к конкретике лейтенант.

– Она попросилась помыться, – набрала сил только на шепот врач.

– А мы, значит, добрые.

– Я – врач. И женщина.

– Ты теперь – никто! – стукнул «крылаткой» по столу лейтенант, оставив на досках глубокие вмятины. Полина вздрогнула, обмякла. – Никто, потому что враг народа. Пособник фашистов.

– Меня саму связали, – понимая, что перед контрразведкой говорить о врачебном и женском милосердии к больному бессмысленно, попробовала защититься сама, вызывая жалость.

– А должны были уби-и-ить, – ласково подлез под взгляд врача Соболев, пропев самый лучший для задержанной исход. – Выколоть глазки, чтобы не замечала лишнего. Вырвать язычок, чтобы не болтала чего не надо. Отрезать носик, чтобы не чуяла запахов, – не преминул перечислить Полине лейтенант и все ее личные прегрешения перед ним и его дамой. – Кто тебя заслал сюда, на дорогу? – «крылатка» оставила еще более глубокие шрамы на тщательно отполированном ординарцем столе.

Надежда, что в контрразведке все поймут и разберутся, оставила врача окончательно, и она откровенно задрожала, начав заикаться:

– Я... с-сама. Д-добровольно. Н-неужели не п-понимаете?

– Не понимаю, – без пощады улыбнулся дальнейшей безнадежности задержанной Соболев. – И жалеть ты можешь теперь только об одном – что не ушла вместе со своей Эльзой. Ординарец!

Боец, помня гнев начальника и уже прекрасно усвоив, что у младших по званию он еще ненавистнее, даже не переступил порожек землянки, застыл в проеме.

– Взять ее! В карцер.

Глава 8

Лето 43-го года на Курской дуге выдалось жарким. Земля, из недели в неделю не получавшая влаги с небес, каменела, при этом легко превращаясь в пыль от колес и гусениц техники. Деревья никли, стараясь не откликаться даже на легкие ветерки, чтобы лишний раз не обжигать листья шевелением. А может, все застыло, наэлектризовалось перед столкновением двух армий, сосредоточившихся друг перед другом? На войнах скопление войск более всего соответствует чеховскому ружью на сцене – обязательно выстрелит.

И 12 июля, в день Петра и Павла, на макушке лета, под Прохоровкой, Поньрями, на десятках других направлений схлестнулись иваны и гансы. Военные науки. Немцы бросили, как в последний прорыв, свои лучшие на то время танковые дивизии «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». 1200 танков сошлись фактически в рукопашную на одном только Прохоровском поле размером в 150 гектаров. Т-34, имевшие превосходство перед «тиграми» и «пантерами» в скорости и маневренности, носились среди громадных немецких монстров, и если те все же доставали их своими прожигающими выстрелами, огненными факелами шли на тараны. Армия, выполняя замысел Ставки, изматывала, ломала шею «Мертвой голове», щипала усы и челку «Адольфу Гитлеру». И – копила силы для контратаки. Да такой силы и ярости, чтобы потом уже до конца войны ни разу не отступить.

И тем значимее становилось строительство объекта 217, тем весомее ценился каждый метр уложенных шпал, каждый кубометр перелопаченного грунта: без подвоза боеприпасов и новой техники говорить о зубодробительном ударе по врагу не приходилось.

На строительство дороги добавили рабочих, границы участков стали смещаться интенсивнее, на трассе замелькали новые люди: битва на Курской дуге гнала стройку вперед и вперед.

Объявилась в лесной полосе, непосредственно примыкающей к трассе, и группа некоего капитана Бубенца. Он сам стремительно перемещался от укрытия к укрытию, за ним, подгоняя пистолетом Эльзу, перебежками покрывала расстояние Нина. Замыкал, прикрывая группу, старшина Леша. Их бросок по лесу, судя по всему, был долгий, потому что в одном из распадков Эльза, не выдержав, упала и больше не встала. Зло обернувшийся Бубенец хотел дать команду продолжать движение, но рассмотрел просочившуюся сквозь маскхалат и бинты кровь и раздосадованно смолчал. Отправил кивком головы на разведку старшину, сам прилег рядом.

– Кто вы? Что все это значит? – едва отдышавшись, спросила у него Эльза.

– Молчать! Швайген! Здесь я задаю вопросы!

Немецкая речь насторожила раненую, но она не подала вид, что это ее взволновало. Зато капитан, выровняв дыхание, сам наклонился к ней:

– Вам привет от штандартенфюрера Штроге, мадам.

– Я... не знаю никакого Штроге, – удивилась Эльза. – Вы меня с кем-то путаете.

– Меня это мало волнует, – усмехнулся Бубенец, не переставая озираться вокруг. – А вот он очень удивляется, почему провалились все три группы, посланные кроме тебя. А ты осталась жива.

После секундного замешательства Эльза тем не менее вновь отреклась от всего, приписываемого ей:

– Я... я не понимаю, о чем вы.

– В гестапо поймешь, – пообещал капитан, обнадеживающе похлопав женщину по колену и уже одним этим движением давая понять, что ему здесь дозволено все.

Вынырнул из кустарника старшина, показал командиру, что путь свободен. Бубенец лично вздернул Эльзу, ставя ее на ноги, толкнул автоматом в спину – за старшиной. Это тебе не похлопать по коленочке.

Благо новый отрезок пути бежали совсем недолго: в овражке, под обнажившимся корневищем сосны, виднелся заранее подготовленный схрон. Около него, на радость Эльзе, и залегли снова. Капитан посмотрел на часы, обернулся на изможденную, бледную пленницу. Но не для того, чтобы пожалеть, перевязать или хотя дать глоток воды. Отдал приказ:

– Связать!

Нина словно ждала и не могла дожждаться этого указания. Извлекла из своей дамской сумочки, слегка нелепо смотрящейся среди военной формы сослуживцев, кусок бечевки, охотно стянула руки раненой. Эльза застонала от боли, но Нина пнула ее ногой, заставив повалиться под корни дерева.

– Старшина! Глаз не спускать. При попытке освобождения или побега стрелять на поражение.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – не вставая, лежа отдал честь старшина. Передернул затвор автомата.

Бубенец с Ниной отошли на пару шагов. Вместе, как семейная пара, покопались в вещмешке капитана. Для себя командир достал фотоаппарат, повесил на шею. Блокнот и карандаш засунул в карман гимнастерки, но так, чтобы были видны и выдавали профессию газетчика. В довершение, уже для самых непонятливых, подцепил на нос круглые очки. А вот чтобы оправдать свою выправку и сообразительность, привинтил к гимнастерке орден Красной Звезды.

Нине достались легкие полусапожки, красная косынка и свернутые в трубочку грамоты. В последний момент капитан снял с пояса и запрятал штык-нож – слишком уж он не вязался с образом хоть и награжденного, но интеллигентного журналиста.

Контрольно оглянувшись на Эльзу и старшину, парочка растворилась среди листвы.

Выждав несколько мгновений, Леша сердобольно помог Эльзе сесть поудобнее, открыл фляжку. Раненая жадно, обливаясь, сделала несколько глотков воды. Оглядевшись, все еще боясь быть застигнутым за неподобающим для охранника занятием, старшина вытер девушке подбородок и лишь после этого уселся напротив с автоматом наизготовку.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Эльза. – Твои друзья деликатностью не отличаются, – после получения помощи посчитала возможным перейти на более доверительные отношения раненая.

– Они командиры, – пояснил поведение друзей Леша. – А, как говорил Дитрих Эккарт, «вождь должен быть один». Вот и они никого не слушают.

– Ты... знаешь любимого поэта фюрера? – удивилась пленница.

– Я просто люблю немецкую литературу, историю. От мамы. Она... я с Поволжья, – дал намек на свое происхождение старшина.

– Кто... вы?

Этот вопрос был слишком конкретен, и Леша постарался закончить сближение и перевести разговор на нейтральные темы:

– Приказали завернуть по вашу душу. Удобно?

Подчистил землю под спиной Эльзы, выбросив мелкие камешки и сучья деревьев. Тщательно, интеллигентно вытер после этого платочком руки. Этот машинальный жест конвоира так разительно отличался от поведения капитана и пнувшей ее ногой Нины, что Эльза все же осмелилась поинтересоваться своей судьбой:

– Что вы хотите со мной сделать?

Старшина пожал плечами, но, посчитав, что не раскрывает никакой тайны, сообщил:

– Приказ простой – переправить вас через линию фронта. Там почему-то очень хотят с вами побеседовать.

Эльза застонала, но это вырвался стон бессилия, хотя Леша и подался на помощь.

– Ничего, скоро наши придут, – постарался подбодрить, а на деле лишь ввел в еще большее уныние Эльзу конвоир.

Бубенец и Нина в это время наблюдали из кустов, как торопливо перемахнул насыпь Кручиня. Похождения наблюдателя их мало интересовали и, когда хотели уже продолжить свой путь, отпрянули назад: за политзэком крался парнишка. Приглушая локтем звук, несколько раз болезненно чихнул, и Нина, молча согласовав свои действия с командиром, окликнула:

– Эй, парень!

Семка поначалу отшатнулся от незнакомой парочки, но капитан с фотоаппаратом на груди стремительно подошел к нему, принялся поворачивать в разные стороны, не давая сомневаться в правильности и нужности своих действий. Радостно обернулся на спутницу:

– То, что надо, – и только в этот миг представился парню: – Я капитан Бубенец из Москвы, из редакции. Делаем материал о героизме людей в тылу, а у тебя очень красивое лицо. Ты очень подойдешь для снимка. Ну-ка, замри так.

Пока капитан выстраивал кадр, Нина любопытствовала у «красавца» по своим вопросам:

– А кто тут у вас лучше всех работает на стройке? Как ты считаешь, кого можно похвалить грамотой или благодарностью?

Боясь повернуться, расслабиться и испортить мужественность фотокарточки, Семка процедил сквозь зубы:

– Так бригада Прохоровой. Она лучшая. Они вон там, перед мостом располагаются.

– Отлично, – похвалил парня Бубенец, пряча фотоаппарат.

– А... моя карточка в газете будет? – не верил Семка, наконец-то начав дышать полной грудью.

– Будет, – уверил фотограф. – А ты нас сможешь проводить до бригады Прохоровой или куда-то торопишься? – посмотрел в сторону, где исчез Кручиня.

Боясь оказаться уличенным в таком неблагоприятном занятии, как шпионская слежка, Семка отчаянно отсекся от бдительности, которую хотел проявить, выслеживая белогвардейца:

– Нет, свободен. Мы... мы только из суточного дежурства. На НП воздушную и наземную разведку ведем. Бдительно. А там у Прохоровой... девушка есть. Я могу показать. Комсомолка. Ее снимите?

– Если красивая и передовик, снимем, – щедро пообещал капитан и это.

Нина вдруг осторожно вытянула шею и, кого-то увидев, за спиной парня принялась суматошно показывать командиру двумя пальцами на плечи – идет лейтенант. Бубенец присел, потянув вниз Семку, начал высматривать местность. Негромко обрадовался:

– Ой, какой кадр! Ну-ка, сядьте вдвоем вон там на рельсы. Так, чуть дальше. И смотрите вдаль. А я с нижней точки...

Усадив Нину и Семку спиной к себе, лег между рельс, приладил к работе аппарат. Возможно, лейтенант и прошел бы мимо, не заметив съемки, но Семка неожиданно чихнул. Этого оказалось достаточно, чтобы через мгновение за спиной у Бубенца заскрипела под офицерскими сапогами щебенка. Скрежет замер аккуратно над распластавшимся фотографом, но капитан невозмутимо сделал еще несколько снимков, прежде чем с восторгом повернулся к нетерпеливо ожидавшему к себе внимания Соболю.

– А все же я молодец, – пригласил порадоваться случайного свидетеля своей работы капитан. – Такой кадр! А название кто оценит? «С мечтой о Победе!» Или лучше – «Дорога к Победе». И на всю полосу шапкой заголовков: «Дорога железная, а люди золотые». А? Пойдет?

Капитан Бубенец, фотокорреспондент из Москвы, – как старший по званию протянул лейтенанту руку. Но скорее не поздороваться, а подняться с его помощью со шпал. – А это Нина, из ЦК комсомола. Одной командой приехали.

– Начальнику стройки представились? – не посчитав нужным самому представляться незнакомцам, настороженно поинтересовался Соболев.

– Даже чаем напоил, – успокоила смершевца торопливо подошедшая на подмогу капитану Нина. – Посоветовал поработать в бригаде Прохоровой. Вот, ищем. Парень обещает довести.

– Этого парня я сейчас... – замахнулся на Семку расслабившийся лейтенант. – А что газетчики идут к Прохоровой – это правильно. Это достойно Валентины.

– Товарищ лейтенант, мне бы с вами поговорить, – неуверенно прошептал Семка, сам понимая, что это не совсем к месту.

– Еще раз бездельником увижу, выгоню со стройки. Без благодарностей и снимков в газете, – продемонстрировал перед москвичами свою ретивость в службе Соболев. А что, может, это журналисты тоже отметят и на одном снимке можно будет оказаться вместе с бригадиром. Ясное дело, без обозначения должности, но вроде как на втором плане... – А я как раз к Прохоровой, могу составить компанию, – предложил Соболев свои услуги гостям, прекрасно понимая, что все его желания по поводу совместного снимка – детские мечты. Тут хотя бы одну Валентину Ивановну...

– Ура! – по-детски захлопала в ладоши провожатому Нина. Не поняв, что предает того, с кем только что изображала влюбленную пару.

Взяв лейтенанта под руку, стала что-то расспрашивать на ходу. Капитан подмигнул Семке – не унывай, не ты первый и не лейтенант последний у нее. Поспешил за новоявленной парочкой. Парень сел на рельс, не зная, начинать ли радоваться фотографированию или все же бояться, что лейтенант не даст разрешения печатать его снимок в газете. А как было бы замечательно – его портрет на всю страну. Он на рельсах с женщиной – плохо, там лиц не видно. Да и незачем ему фотографироваться с какой-то фифочкой, засмеют знакомые. А вот если дадут портретную карточку! А почему бы и нет? Он не напрашивался, фотограф сам ухватился – лицо красивое...

Повторял про себя практически те же мысли, что обуревали мгновением назад лейтенанта, хотя разница от простого наблюдателя до офицера – ого-го! Может, еще до чего бы домечтался, но послышались шаги, и, как только что делал капитан, Семка пригнулся, прячась от посторонних. По насыпи шли Стеша и та красивая девчонка, что лежала на дрезине и про которую он говорил фотографу. Значит, выздоровела.

Стеша и вела с ней разговор об этом же:

– Что-то врачиха не пришла к тебе сегодня.

– И слава богу, – отмахнулась девчонка. – Я посмотрела таблетки, что она оставила мне, – это мел. Обыкновенный мел. Мамка в аптеке учила разбираться в лекарствах.

– Как это? – не поняла, остановившись, Стеша. – Как мел?

– Откуда я знаю, как и почему. Вреда от него, конечно, никакого, но и пользы ноль на палочке.

– Надо сказать Наталье!

– Много чести, – не согласилась делиться тайной разоблачительница.

– Опять двадцать пять! Какая же кошка пробежала между вами?

– Серо-буро-малиновая.

– Хороший цвет. Ни одной искринки от радуги. Сядь, передохни, а то рановато подхватила-то.

Почти насильно усадила на крайний, сиротливый без сцепки с другими собратьями металлический обрубок рельса. Насчет своего здоровья Зоря попыталась отмахнуться:

– Все у меня нормально. Шума больше. Главное, кирку, что оставила на участке, подобрать. Сама знаешь, как ругают за утерю инструмента.

У Семки не ко времени засвербило в носу, нестерпимо захотелось чихнуть, и он усиленно принялся нажимать на переносицу, болью перебивая желание.

– А что за парень, который чуть не сел на меня в дрезине? – вдруг заговорила о нем девчонка, и Семка перестал дышать. – Так уставился потом...

– А у них, у мужиков, такая очередность: сначала глаза распахиваются, потом руки, – со знанием дела поделилась секретами взрослой жизни Стеша. – А вот чтобы хотя бы потом, когда-нибудь, душа и сердце – это не у всех и не всегда получается.

Сдержаться от чиха у Семки не получилось – слишком вслушивался в ответ и запоздал с переносицей. Девчата от неожиданности буквально подпрыгнули, Стеша без промедления тут же бросилась к кустам. Успела схватить Семку за шиворот прежде, чем тот попробовал дать стрекача.

– Я тут... случайно, – забился он перепелкой в сильных руках ловчего. – Меня фотографировали...

– В куста-а-ах? – подивилась Стеша.

– Не, в кусты я потом... В смысле мне нужно было только присесть... В смысле спрятаться. Я ничего там не делал!

Говорил Стеше, а глаз не сводил с Зори, которая накручивала локон на пальчик, глядя в противоположную сторону: ее эта встреча совершенно не касалась и не волновала. Юношеская симпатия рождалась, вышивалась на глазах, но настолько белыми нитками, что Стеша не только отпустила парня, а и легонько подтолкнула, ободряя, в сторону Зори.

– Ладно, пойду я схожу за твоей киркой, а вы тут меня подождите. И без ручных глупостей, – по привычке показала возможные действия на себе.

Уже и шаги ее стихли, и уже могли послышаться чьи-то другие, а Семка все никак не мог сдвинуться с места и подобрать первые слова. Зоря вздохнула, похлопала по рельсу рядом с собой, взяв инициативу на себя:

– Садись. Привет. Тебя как зовут?

– Семка...

– А чего так смотришь?

– К...красивая, – бросился в омут с головой парень. Все! Смерть! Сейчас получит по полной...

Не знал, не наработал жизненного опыта, когда даже на неправду, если она красивая, женщины ни при каких обстоятельствах не обидятся. И что для них восхищения много не бывает. Пословица «Хлеб маслом не испортишь» – это про них...

Только девушка делано взмахнула руками:

– Ну вот, сразу обманывать..

– Почему? – поник ухажер.

– Я не просто красивая, а очень красивая... – засмеялась Зоря своему озорству. – Да садись ты, – пригласила повторно.

Подчинять парней, делая из них слепых послушных котят, доставляло удовольствие, но что с этим бесплатным добром делать дальше, не ведала. Выручила война – на нее можно было переводить любой разговор:

– Немцев скоро погонят, как думаешь?

– Скоро! – отдал голову на отсечение Семка. Кивнул на уходящие вдаль рельсы, принялся убеждать: – Глянь на нашу дорогу. Она словно к Победе ведет. Так что дорога у нас железная, а люди золотые!

Зоря даже отстранилась, чтобы получше рассмотреть притворявшегося немтырем соседа:

– А вот сейчас точно красиво сказал!

Семка пожал плечами, даже попробовал выразить недоумение:

– Да нет, обычно. Мне б только самому успеть на фронт, чуть больше года до призыва.

– А я еще до оккупации дважды сбегала с санитарным поездом. Ссаживали, – поведала и свои мытарства из-за проклятой молодости Зоря. – Потом мамка заболела. А когда пришли немцы, то чуть не угнали в Германию.

Замолчала, как осеклась. Словно ненароком проговорила о том, чего нельзя знать посторонним.

– Сбежала? – предположил первое собеседник.

– Там не сбежишь... Не сбежишь, – потемнела глазами девушка и словно враз осунулась. Не став рассказывать об этой страничке своей биографии, поведала лишь конечный итог оккупационной одиссеи: – Спасибо, подпольщики все семафоры и стрелки на вокзале в день отправки взорвали, а то бы уже батрачила на немчуру. Что опять смотришь?

Семка не успел за прошедшие минуты ни набраться мужества повторить правду, ни придумать что-либо попроще. Девушка сама все счастливо поняла и строго предупредила:

– Если хвалить все время, сороки унесут.

Угроза тем не менее обрадовала Семку.

– Так и в небе найти можно, – развеял он страхи девушки. Пояснил сказанное: – Хочу пойти в летчики. Как старший брат. Его под Сталинградом сбили. А папка под Москвой погиб. Сначала он, а потом Зоя Космодемьянская и панфиловцы. У меня еще три сестренки, так что я за старшего...

Доля, выпавшая что на Зорю, что на Семку, могла насытить биографии сразу нескольких человек и даже их придавить своей тяжестью. Но прошлое уже столько раз ими передумывалось, что стало оставлять местечко и заглядывать в будущее.

У парня оно связывалось с будущей профессией:

– Ты умеешь самолетки из бумаги делать?

– Не, только пилотки. Из газет, – улыбнулась далекому довоенному детству, в котором пилотки еще были ненастоящие, Зоря. – В классе в тимуровские походы ходили.

– Научу, ничего сложного, – обрадовался наконец-то своей нужности и полезности Семка. – А хочешь, мы его с твоим именем сделаем?

Девушка прикусила губы, не позволяя им расплыться в счастливой улыбке. Имя даже на воздушном осоавиахимовском шаре ей никто не обещал, а тут сразу – самолет! Хотя нет, однажды она увидела слово «Зоря» на скворечнике, который прибывали в День птиц на школьном опытном участке. До сих пор не знает, кто написал его чернильным карандашом на днище...

– Фантазер, – поблагодарила парня толчком в плечо. И хотя готова была слушать и дальше про самолеты имени самой себя, от смущения перевела разговор на общие для всех дела. – А мы в бригаде каждый день гадаем и спорим, когда Победа придет. Разное время называем, а я думаю, что весной. Чтобы цвело все, чтобы это счастье красивым было...

Послышались шаги возвращающейся по насыпи Стеши, и Семка заторопился:

– Давай завтра на этом же месте...

Только вот вместо морячки появился куда-то спешивший лейтенант Соболев. Почему-то откровенно обрадовался, увидев парочку. Не обращая внимания на Зорю, подозвал Семку, буквально за рукав провел его несколько шагов. Взялся за комсомольский значок на рубашке:

– Ты еще не забыл, что комсомолец?

– Никак нет! – от предчувствия какого-то важного поручения у парня пересохло в горле.

– Тебе будет задание. Но если кому хоть слово, хоть запятую...

– Я...

– Идешь в бригаду Прохоровой. По левой стороне от насыпи. Находишь там своих корреспондентов и наблюдаешь за ними. Тайно. Куда, с кем, чего делают, – лейтенант сам оглянулся. Хотел подмигнуть наблюдавшей за ними Зоре, но времени не имелось даже на это. – Но помни: если увидят – убьют.

– За что?

За что его могут убить такой приятный фотокорреспондент и красивая москвичка? В чем их подозревает лейтенант из Смерша? Они что, на немцев работают? Но ведь снимают передовиков...

– Я буду с другой стороны, – не стал вдаваться в подробности военной тайны Соболев. – Все, марш! Стой! – тут же остановил помощника. – Подними правую руку.

Семка исправно поднял.

– Вот лево – это в противоположной стороне.

Парень, хлопнув себя по лбу, поменял направление. Успел кивнуть на бегу Зоре – извини, задание. Может, он даже в летчики теперь не пойдет. Ловить шпионов на земле – тоже мужское дело.

– Разбежались мужички? – поинтересовалась первым делом появившаяся с киркой на плече Стеша.

– А его Семка зовут, – поторопилась поделиться главным Зоря.

– Лейтенанта? – присела рядом Стеша. У кого что болит... Но и не о мальце же ей, право дело, думать!

– Да нет, Семку, – посмеялась над недогадливостью подруги возбужденная встречей Зоря. – А вот мое имя он так и не успел спросить.

– Спросит еще. Или тайно сам узнает. Наши имена для них, как мед для пчелки. А вот еще один мушкетер нарисовался. То густо, то... старички.

Она имела в виду идущего скорым шагом Кручиню. Женские посиделки его мало заинтересовали, но поздоровался:

– Здравствуйте. А не видели...

– А ее здесь нет, – мгновенно взъерошилась Зоря. – И ее Наталья зовут, если не знаете. А друга ее, фашистского прихвостня, полицаю, – Петром. Всю оккупацию под ручку и прогуляли...

Кручиня, как ни торопился, внимательно посмотрел на девушку. Покивал, принимая информацию, но ничего не ответил и исчез – чьи-то поиски ему показались важнее. Стеша развернула Зорю к себе:

– Ну-ка, рассказывай, что знаешь! При чем здесь полицаи и Наталья?!

– А ни при чем, – злобно усмехнулась Зоря. Что-то из недавнего прошлого, связанного с Натальей, не давало ей спокойно жить. – И она сама – ни при чем.

– Э, девка, давай-ка рассказывай, – вновь развернула к себе девчонку Стеша. – Все говорят, что Наталья работала на немца по заданию партизан.

– А почему тогда... почему тогда...

Из глаз Зори неожиданно покатились слезы, а чтобы не вырвался стон, она уткнулась в грудь старшей подруги и замотала головой, словно прогоняя страшное видение. Плечики затряслись, и Стеша принялась гладить их, успокаивая потерявшую над собой контроль девчонку:

– Ну что ты? Что ты? Успокойся. Не хочешь говорить – не надо. Но лучше выговорись. Исповедуйся мне, авось полегче станет. А я буду молчать как рыба. Что Наталья?

Зоря несколько раз набирала в грудь воздуха, и, когда Стеша решила, что девчонка так и не признается в своем горе, та вдруг заговорила. Ей и впрямь тяжело было одной носить беду, случившуюся однажды в оккупации:

– Когда меня... меня... Ты не знаешь... перед отправкой... немцы... Они насильовали меня втроем!

Зоря, всего лишь минуту назад сидевшая счастливой, по-бабьи завывала и начала монотонно раскачиваться. Онемевшая от известия Стеша, понимая, что это еще не вся страшная правда, теперь не знала, нужно ли ей знать продолжение.

Зоря оказалась беспощадной:

– Она со своим полицаем шла мимо. Я умоляла, кричала, а они... видели и... мимо!

И вновь в одно мгновение, как только что из счастливой девчонки превратилась в плачущую бабу, на сей раз предстала окаменевшей женщиной. Жестко, глядя строго перед собой, может быть, даже жалея, что поведала стороннему человеку личную страшную тайну, произнесла:

– Вот. Хотела правду? Узнала?

Такую правду, по большому счету, Стеша в свою душу запускать не хотела, но зато она многое объясняла в поведении девчонки и ее отношении к Наталье. Понимая, что Зоря теперь может и ее ненавидеть за то, что оказалась посвященной в постыдное, торопливо прижала к себе: почувствуй мое тепло. Я не прошла мимо. Я рядом.

– Прости. Не знала. А может, она не могла... – попробовала найти оправдание бывшему бригадиру хотя бы для себя, чтобы совсем уж не разочаровываться в людях.

– Не-на-ви-жу! Не про-щу! – вне зависимости от того, могла или не могла помочь Наталья, вынес ей вердикт каменный цветок.

– Я никому! – заторопилась успокоить девчущку Стеша. – Это не надо знать никому, – намекнула больше не касаться этой темы с другими. – Успокойся. Давай успокоимся.

Лучше песни ничего более успокоительного люди для себя еще не придумали, и Стеша запела первое, что пришло на ум:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди меня, когда наводят грусть
Желтые дожди...

Песню Константина Симонова, звучавшую из всех динамиков и репродукторов, знали в стране от мала до велика и до последней буквы, и Зоря невольно сначала начала кивать в ритм музыки, потом и сама шептать слова:

...Не понять, не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня...

Обнялись в конце песни, поцеловав друг дружку. Замерли подругами, объединенными общей тайной.

– А мне... мне только что свидание назначили, – решила если уж признаваться, то во всем Зоря.

Скорее всего, именно страх перед первым свиданием и спровоцировал такую ее бурную реакцию. Девчонка просто не знала, как себя, изнасилованной врагом, теперь вести с парнями. Имеет ли вообще право на любовь, на свидания...

– Так это хорошо! – как можно радостнее затормошила Стеша соседку, даже захлопала в ладоши. – Завидую. Меня сто лет уже никто никуда не приглашал... Так что надо собираться

и идти. Помнить, конечно, что мужчины свои словечки перед нами раскладывают, как сыр в мышеловку, но... идти.

– Но меня же... немцы... – вернулась к старому Зоря. Успокоительное лекарство от песни кончилось...

– Он поймет, – как можно беззаботнее махнула рукой Стеша. – Сама потом все расскажешь, и поймет. Война же. И гады творили, что хотели. А он еще больше любить и жалеть будет. Нам, бабам, порой жалости хочется больше, чем слов любви. Ох, как хочется. И того, и другого...

Сама едва не заплакала в голос, жалеючи и свою судьбу. И неизвестно, сколько времени бы сидели так, шмыгая носами, но послышался голос бабы Лялюшки:

– Зорька! Зоря, ты где?

Девчата пригнулись, принялись торопливо вытирать носы и глаза.

– Зорька, негодница!

Имя свое странное Зоря получила от отца.

– На зорьке родилась – Зорей и будет, – отмел он все иные предложения по имени.

– У нас половина поселка коров Зорьками зовут, – попыталась урезонить его мама, всегда боявшаяся любых нововведений. Скорее всего, наложила свой отпечаток на характер работа провизора: положено для лекарства отвесить семь граммов какого-нибудь порошка или отсчитать две капли из пипетки – неукоснительно и безоговорочно будут семь и две. – Давай Полей. Или Катериной.

– Зоренька, – обнимал отец первеницу и столько нежности и ласки вкладывал в это имя, что иного уже не представлялось по отношению к дочери. Подмигивал матери: – Для остальных ребятишек тоже найдем только их, индивидуальные имена.

– А если вечером народится?

– Вечерой будет. Или Звездочкой.

Не успел. Не получилось придумать ничего более: Зоря оказалась и первеницей, и единственной. Очень мечтал построить отец свой дом, а лес для сруба издревле заготавливался зимой – так дольше потом служила изба. Не успел увернуться от падающего дерева, слишком много в ту зиму намело снега. По колено...

– Вот вы где! – обрадовалась баба Ляля, отыскав пропажу. Отметила сумрачный вид товаров, соотнесла причину с крестницей, но внимание на хлюпающих носах не стала акцентировать. – От ног отстала, пока вас нашла. Зорька, грудки уже выперли, как здравствуйте вам, а все еще неслухменная. Кому первая смена на ужин? Кыш.

Прогнала, освобождая себе место. Долго смотрела вслед девчонке.

– Чем-то никак душа ее не успокоится, – попыталась завести разговор со Стешей: наверняка судили-рядили как раз о причинах тоски да грусти.

Та, пока еще помнила наложенную на себя клятву, коснулась малой толики из узанного:

– Говорит, Наталья наша с каким-то полицаем якшалась в оккупации.

– Петром, что ли? – усмехнулась глупости, ставшей сплетней, баба. – Да он же сначала у меня полторы недели жил. И что, его теперь ко мне в женихи лепить вареником?

Поманила Стешу к самым губам, прошептала главное:

– От партизан он был. А как потом поняла – вообще из Москвы, с Большой земли. С заданием каким-то важным шел. С Натальей я его и свела. «Якшалась»....

– А что же все молчали?! – удивилась и расстроилась Стеша. Такие новости и страсти, оказывается, вокруг крутились всю оккупацию, а она и не знала.

– Кому надо было после освобождения, все выпытали. И приказали особо не распространяться, – с облегчением рассталась со своей тайной баба Ляля.

– А Зорька этому, который политический и который на Наталью посматривает, наговорила про нее.

Посмотрели в сторону, где скрылась девчонка. Иван Павлович производил впечатление человека сдержанного, а значит, положительного. И хотя не обладал бравым видом и усы скорее старили его, чем придавали молодцеватость, каких-то отрицательных эмоций он ни у кого в бригаде не вызвал. Кроме Зори, ясное дело. А слово ее не то что воробей, а булыжник по воде – круги идут до разных берегов...

– Вот вечно так: забьете гвоздь без шляпки, а мне вытаскивай, – вздохнула вечный воспитатель чужих детей и исправитель их глупостей. – Ладно, встречу этого усатого-полосатого, растолкую, что к чему. А на голодный желудок и на Зорьку ругаться вредно. Пойдем кушать, ночь приближается.

Однако в бригаде, не получив даже ложки, первым делом отозвала в сторонку Наталью. Значит, не ругаться...

Глава 9

Нет ночей в средней полосе России на макушке лета. Не белые они, не воспетые поэтами, скорее вошедшие лишь в поговорки уровня гулькиного носа.

На стройке ночей как времени всеобщего отдыха не предполагалось тем более: после солнца третья и четвертая смены делили оставшиеся сутки на равные четвертины с дневными выходами. Люди готовы были подпереть и солнце, чтобы подольше поработать. Но, даже когда и светило уходило на короткий покой за горизонт, подальше от войны и непрерывно копошащихся на насыпи людей, на «железке» продолжала бурлить жизнь. И если кто-то из дневной команды валился из последних сил на нары, другие благодаря молодой, быстро проходящей усталости шли в дополнительную ночную смену.

Кручиня ждал наступления сумерек по причине более прозаической, чем график работ. За те мгновения, что удалось пройти по узкой тропинке наедине с Натальей, в отличие от Семки, он успел узнать и ее имя, и пригласить на свидание. Он не питал иллюзий по поводу своей внешности и не был уверен, что девушка придет, что она вообще вспомнит о быстротечном разговоре с недавним заключенным, но тем не менее приближался к полевому лагерю Прохоровой с легким волнением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.